

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат * Избранное
Документальная серия. Выпуск 12

М. Я. Макаренко

Из моей жизни

Ответ провокаторам
Дополнение к кассационной жалобе
Верховному Суду РСФСР

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат * Избранное
Документальная серия. Выпуск 12

М. Я. Макаренко

Из моей жизни

*Ответ провокаторам
Дополнение к кассационной жалобе
Верховному Суду РСФСР*

**Документальная серия
выходит 6 раз в год**

**© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1974
Frankfurt/Main
Printed in Germany**

МАКАРЕНКО МИХАИЛ ЯНОВИЧ

Биографическая хронология, составленная по материалам секретного уголовного дела № 331 Комитета госбезопасности при СМ СССР

К моему несчастью, 4 мая 1931 года я родился в семье Янку Гершковича и Малки Вейсман в румынском городе Галаце. Оба родителя евреи.

Относительно моей национальности я оставался в приятном неведении до 1939 года, когда в Румынии началась волна преследований евреев. Я запомнил погромы и свастики по всему городу.

В 1938 году я обучался в первом классе гимназии, но мой отец не смог своевременно оплачивать обучение, и я, не окончив 1 класса, убежал из дому. Однако был разыскан и возвращен к своим родителям.

В это же время, за несвоевременную оплату жилья, нашу семью выселили, и мы переехали жить в барак по улице Троян, дом 108. Мои родители и поныне проживают по этому адресу.

В конце нашего барака был марксистский кружок, где я узнал про Советский Союз — страну, где все нации равны, не исключая евреев.

Осенью я снова поступил в гимназию, во второй класс. Но за несвоевременную оплату моего обучения последнее имущество отца было описано и увезено.

Тогда, во второй раз, и уже навсегда, я убежал из дому и из Румынии. Я спрятался на советской грузовой барже, переехал советско-румынскую границу и попал в великий и свободный Советский Союз.

СССР — 1939

Каждому ясно, что первое мое знакомство было с соответствующими и компетентными органами, и первые, связанные с этим знакомством, неизящные процедуры таковы, что распространение о них теперь излишне.

Сохраняя меня в подозрении относительно целей нелегального прибытия в Советский Союз, меня поместили в детдом города Бендеры Молдавской ССР.

Через год я выучил русский язык и поступил во второй класс русской школы в 1940 году, который окончил весной 1941 года.

1941 год

Насколько я уже тогда мог понимать и судить о происшедшем в Молдавии, — мне не показалось, что быть евреем в Бендерах более почетно, чем в Галаце.

А первая радость по поводу удачного переселения оказалась преждевременной, ибо начались маленькие антисемитские надругательства, в основном со стороны взрослых.

Мои настойчивые просьбы о возвращении к родителям оставались тщетными. Несколько раз они оканчивались беседой в соответствующих органах, которые все же не теряли надежду узнать, зачем, с какой целью и кто меня научил переехать в СССР...

Окончив в мае 2 класс, я убежал из молдавского детдома. Уж если нельзя возвратиться домой, — думал я, — так хоть попасть в ту самую Россию!

Но в городе Тирасполе, на границе Молдавии и РСФСР, которая являла собой охраняемый мост, меня задержали.

Наученный скромным опытом, я назвал себя где-то услышанной фамилией «Голигорский», которая показалась мне достаточно русской, и под этой фамилией меня поместили в Тираспольский детдом, где я уже не сказал правду ни о своей национальности, ни о своих родителях. В этом детдоме меня и застала Отечественная война.

Вместе с детским домом меня эвакуировали в тыл, но в пути я убежал из детдома на фронт, и в сентябре меня приняли воспитанником в пехотную войсковую часть.

В декабре я получил первую контузию, но в госпиталь меня не отдали, я остался при части. Пешим ходом, но быстро мы двигались на Северный Кавказ.

1942 год

В мае, ко дню моего рождения, командование присвоило мне звание красноармейца. Кстати, возраст я себе на один год завысил. (См. Архив Министерства обороны СССР, личное дело 4. 116. К, том 11, л. д. 236.)

Осенью, в связи с ранением в плечо, я попал в 386 эвакгоспиталь в городе Новопятитгорске. После излечения меня направили в артиллерийскую часть.

1943 год

Весной меня контузило во второй раз, и еще я вывихнул ногу. Меня загипсовали и оставили на оккупированной территории в детском костно-туберкулезном санатории для детей-хроников в хуторе Долинском возле Нальчика Кабардино-Балкарской АССР.

Когда Нальчик освободили, меня, поскольку я выздоровел, перевели в детский дом, из которого я сбежал на фронт. Так как я сохранил свою красноармейскую книжку — был принят в 115 отдельный батальон связи 55 гвардейской стрелковой дивизии. (См. том 11, л. д. 235).

С 23 декабря лечился в 367 окружном военном госпитале города Тбилиси. В моей истории болезни 11. 962. ОВГ-367, сохранившейся и находящейся ныне в Военно-медицинском музее Министерства обороны СССР (Ленинград, Загородный проспект), написано: (запрос КГБ)

«...красноармеец-доброволец Голигорский Михаил Иванович, 1930 года рождения, с диагнозом лихорадочное состояние был доставлен 23 декабря 1943 года из Тбилисского военно-пересыльного пункта на лечение в окружной военный госпиталь Закавказского военного округа № 367.

В данном госпитале находился на излечении с диагнозом «грипп» до 3-го января 1943 года и выписан обратно на пересыльный пункт.

Примечание: в графе «Адрес родных» указано: «Больной адреса родных не знает».

Комитет госбезопасности обнаружил еще один документ:

«...Рядовой Голигорский Михаил Иванович, 1930 года, Тбилиским пересыльным пунктом 22 января 1944 года вторично направлен на лечение в ОВГ Зак. окр. 367 с диагнозом «малярия». В данном госпитале с этим диагнозом находился на лечении до 18 февраля 1944 года и выписан в Тбилисский военно-пересыльный пункт.

Примечание: адрес родных и местожителство до войны записано: «не знает». Основание истории болезни 879-ОВГ-367». (См. том 11, л. д. 184).

1944 год

Февраль — военно-пересыльным пунктом был направлен в тыловую часть Тбилисского гарнизона.

Осенью — направлен в Московское Суворовское училище. В дороге снова заболел и лечился в подмосковном госпитале, после чего меня поместили в Суворовское училище «сверх штата».

Весной — по призыву партии: «Молодежь — на восстановление разрушенного народного хозяйства!»

— сбежал из Суворовского училища в Донбасс, но был до совершеннолетия помещен в детский дом имени Зои Космодемьянской Селидовского района, Сталинской области. Зимой учился в сельской школе и окончил 3, 4 и 5 классы.

1945 год

Май — исполнилось 14 лет, и я был трудоустроен в колхоз «Реконструкция» Селидовского района, где работал 1945 - 1946 и начало 1947 года на разных сельскохозяйственных работах. Колхоз так ни разу и не смог выдать заработанное на трудодни. Жил работой на огородах и своим наделом земли под огород. В летнее время разводил коконы тутовых шелкопрядов.

1947 год

В феврале — в Донбассе начался сильный голод. У меня была дистрофия второй степени. Колхоз решил уехать, так как лечить было негде и нечем.

Ездил в Москву, Минск, Смоленск, Витебск, Псков — и снова в Москву, где через детприемник получил направление в ремесленное училище города Шатуроторфа Московской области.

Но в РУ не был принят из-за хилости и болезни. Оставили до лета отдыхать, отъедаться и размножать несложные чертежи.

Летом — поехал в Тбилиси, где временно работал на 31 авиазаводе, затем учеником повара в Сухуми и маляром на строительстве Дома правительства в городе Кутаиси.

Осенью — возвратился в Донбасс, ставший почти второй родиной, и через детский дом поселка Рутченково получил направление учиться на токаря в РУ города Макеевки Сталинградской области.

Когда в училище стали оформлять документы на выдачу первого советского паспорта, я зачем-то рассказал о себе правду: свою настоящую фамилию,

правильный год рождения, национальность и происхождение.

Последовавшие за этим действия администрации привели к необходимости срочно из училища сбежать.

Декабрь — добрался до города Мариуполя на Азове и поступил в ФЗУ, которое кончил 3 месяца спустя по специальности токаря 3 разряда.

1948 год

Февраль — поступил токарем на паровозостроительный завод имени Октябрьской Революции в городе Ворошиловграде. Органы МВД снова стали оформлять документы на выдачу паспорта, так как мне по документам исполнилось уже 17 лет. Предыдущий мой опыт, по-видимому, должен был предостеречь меня от неуместной и опасной откровенности. Но Провидению было угодно потемнить мой разум, — вероятно для того, чтобы не помешать мне испить до дна уготованную мне чашу истязаний, орудием которых стала и моя национальность, и моя фамилия.

И вот — я опять для чего-то рассказал о себе правду, и на первых порах все как будто даже обошлось. Сперва через детский приемник в моих документах изменили данные, и в том числе фамилию «Голигорский» на мою настоящую фамилию Гершкович.

Но вдруг начальство одумалось и арестовало меня. Правда, ограничились лишь тем, что, надавав тумаков, меня ткнули несколько раз носом в окрашенную «под дуб» кирпичную стенку и отправили в колонию для несовершеннолетних преступников, из которой я почему-то сбежал.

В мае — исполнилось 16 лет. Скитался по Украине, пока меня не задержали в Виннице. В детприемнике МВД я для начала назвал себя своей настоящей фамилией «Гершкович». Национальность опять

сказал «русский». Вскоре меня трудоустроили маляром на суперфосфатный завод.

Июнь — подстрекаемый бесом — я в третий раз рассказал о себе всю правду, сообщив и свою национальность, и происхождение. Несколько месяцев мне все же пришлось побыть под арестом в органах МВД.

От этого времени моя незлобивая память сохранила лишь серию кратких наставительных актов физического характера — описывать которые здесь нет никакого смысла из-за их банальности и общеизвестности.

Сделав, по-видимому, достаточные выводы из расследования всего моего прошлого, меня освободили, оформив документы на прием в советское гражданство.

Зато, выписывая мне впоследствии первый советский паспорт, шутники из МВД, не упускавшие и до этого, во все время моего у них пребывания, ни одной возможности проявить свои, почти милые своей непосредственностью, антисемитские симпатии, — написали в моем паспорте вместо моей фамилии Гершкович — «Хершкович».

Вручая мне этот свой плод внутриведомственного остроумия, они при этом тонко улыбались, довольные своей шуткой. Тщетны были мои настойчивые просьбы изменить первую букву. Именно под этой фамилией, — утверждали они, — я принят Верховным Советом СССР в советское гражданство. Пришлось смириться, тем более, что для русского уха это даже пикантно.

С 6-месячным паспортом-недоноском и под кликухой Хершкович — МВД выпустило меня в новую жизнь. Эффект, разумеется, был сильный и продолжительный. Этой шутке я улыбаюсь до сих пор.

К работе на суперфосфатном заводе меня почему-то уже не допустили. Из общежития выписали и уволили «по собственному желанию»...

Прописка моего паспорта и его выписка произошли в один и тот же день.

Сентябрь — безуспешно пытался поступить на работу и в Киеве, и в Харькове, и в Днепропетровске, и в Москве, и в других городах.

Что значат такие круизы без гроша в кармане — по городам и на крышах и подножках вагонов в поисках куска хлеба, — может знать лишь тот, кто сам свой хлеб ел со слезами.

К несчастью, с первых дней моей жизни мне пришлось изучить во всех видах унижительное рабство постоянного голода и нищеты, узнать, как унижительно, как нудно жить с пустым брюхом, словно гончая собака, когда в кишках всегда буркотня, а желудок постоянно вопит о себе...

В Москве за лазание в мусорный ящик и отбросы Даниловского рынка меня доставили в 85 отделение милиции Москворецкого района и взяли подписку о выезде из города в 24 часа.

Отпуская, мне объяснили, что я совершенно напрасно пытаюсь обычным образом поступить куда бы то ни было на работу и что причина этому — особые «спецпометы» в моем паспорте, — известные только соответствующим органам.

Этот же добрый человек рассказал мне о существовании Приемной Президиума Верховного Совета СССР на Моховой улице дом 7 — единственном органе, который мог мне чем-либо помочь. Туда я и пошел.

Внимательно меня выслушав, мне доходчиво и толково разъяснили, почему ничем не могут мне помочь. А в заключение посоветовали возвратиться в Винницу...

Приспосабливаясь к этим новым условиям своего бытия, в этот же день и час, отчаявшись придумать что-либо иное, — я сам позвонил в 85 отделение милиции от имени сотрудника Приемной Верховного Совета СССР — и предложил трудоустроить Херш-

ковича 17 лет, который сейчас явится в отделение из Приемной...

Чему бывать — того не миновать! Терять все равно было нечего. Я рисковал лишь тем, что за свою проделку — если она обнаружится — с этого же дня меня по крайней мере будут уже кормить наравне с заключенными. Но Бог милостив к своим соплеменникам. Знак несомненной приязни, оказанный мне в Приемной, возымел неотразимое и волшебное действие на все 85 отделение милиции — сверху донизу!

Меня обкормили и без проволочек трудоустроили рядышком, на Серпуховском валу дом 25 — маляром на металлопрокатный завод цветных металлов. Я получил койку в общежитии, а 85 отделение милиции досрочно сменило мне мой меченый паспорт на 5-годичный, обычный. Уже через месяц меня приняли в комсомол. Счастье буквально хохотало мне в лицо! И все это такой малой ценой! И мне показалось, что все страдания и мытарства, бездомье и связанные с этим вши и чесотка, невыразимый ужас постоянного голода и лишений — все позади.

Но, как это бывало уже не раз в моей мелко нарубленной на тысячи несчастий жизни, — действительность снова разбила мои мечты...

8 ноября — Москворецкий райком комсомола вручил мне комсомольский билет. При вручении добрые люди, конечно, из лучших побуждений, порекомендовали мне обязательно разыскать моих родителей, и если они после такой войны окажутся живы, — поехать в Румынию и повидаться с ними. Объяснили, что это будто бы не возбраняется.

1949 год

Родители действительно нашлись, и очень быстро. Они стали писать душераздирающие письма. Некоторые из них — в меру моих материальных возможностей — я переводил в 1 Нотариальной конторе. В

каждом они просили меня приехать хоть ненадолго повидаться, а лучше насовсем.

Февраль — я решил поехать только на время очередного отпуска, и через ОВИР МВД — Отдел виз и регистрации иностранцев — оформил все необходимые мне документы для поездки в Румынию.

Октябрь — ЦК ВЛКСМ меня вызвало и просило сдать комсомольский билет. После того, как я не дал себя уговорить сделать это добровольно, якобы «на время поездки к родителям», — Владимирцев, заведующий спецотделом ЦК ВЛКСМ, силой у меня отобрал, а затем, дав легкий ориентирующий пинок в сторону двери, выпроводил из своего кабинета на лестничную площадку, где меня уже ожидали.

Вниз с 3 этажа меня препроводил автоматчик, по-видимому, один из тех, что охраняют находящееся на лестничной площадке знамя ВЛКСМ, а внизу меня уже взяли люди, которые меня доставили на так называемую «Лубянку» (значение которой ни одному русскому объяснить не приходится).

«А не засадить ли нам его в какой-нибудь уютенький концлагерчик», — примерно так изощрались они в моем присутствии. Но ограничились лишь беседой, сопровождавшейся обычными тогда средствами воздействия, — правда, слишком унижительными для нашего строя, чтобы предавать их бумаге даже примерно. Зато такая аргументация отлично убеждает.

Под давлением этих обстоятельств и столь веских аргументов, я письменно отказался в заявлении на имя начальника Московского ОВИР-а МВД от предполагаемой поездки к родителям и дал подписку о том, что впредь никогда больше и никак с родителями общаться не буду.

Заодно у меня конфисковали обе красноармейские книжки (одну красноармейскую и одну солдатскую 1944 года), 2 медали, письма и фотографии родителей, которые были обнаружены при обыске в моем общежитии.

Я также дал подписку никому ничего об этом не рассказывать, — и до сего дня, 22 года, строго выполнял это обязательство, за исключением одного изъятия, и то лишь по просьбе МВД, о чем речь будет впереди.

С работы меня тотчас же уволили «по собственному желанию». Из общежития выписали, а милиция взяла подписку о выезде из Москвы в 24 часа, чтобы я не поступил работать в другое место в Москве.

В ЦК ВЛКСМ, куда я было сунулся за своим билетом, надобность в хранении которого отпала, — мне просто и с достоинством сообщили, что Секретариат ЦК ВЛКСМ из комсомола меня уже исключил.

Так я попал в категорию врагов народа.

Ноябрь — приехал в Кишинев и поступил маляром в городскую ремстройконтору. Работал, забыв о прошлом, будто его и не было.

За эти годы на моей спине так часто исполняли соло для барабана разные отлично натренированные виртуозы, что постепенно элемент новизны был мною утрачен, и я принимал все как должное приложение к своей личности, по-видимому, специально для этого созданной. Постепенно я стал свыкаться с атмосферой постоянных унижений и страданий, в которых приходилось жить и работать.

И, по-видимому, именно такая способность адаптации организма и помогла мне не только выжить, но и жить счастливо. Мой мозг приспособился быстро все забывать. По-видимому, в целях самосохранения у него выработался иммунитет к страданиям в самых разнообразных их проявлениях.

Декабрь — ОВИР МВД Молдавской ССР удостоил меня вызовом, в связи с прибытием из Москвы заведенного на меня вдогонку «дела». Было предложено написать заявление о выходе из советского гражданства и обмене паспорта на так называемый «Вид

на жительство». Как выяснилось, по соображениям вышестоящего начальства, меня приняли в советское гражданство по ошибке МВД-шников. Эту их ошибку мне теперь и предлагалось исправить.

Тут же мне показали очень симпатичную, с их точки зрения, бумажку зеленого цвета, которая заменяет паспорт не гражданам СССР и полностью называется: «Вид на жительство в СССР для лиц без гражданства».

Ее уже заполнили, причем опять же не на мое имя, а на все ту же милицейскую кликуху «Хершкович». Ее предполагалось всучить мне в обмен на выстраданный советский паспорт.

В связи с отказом от такого обмена, в эту же ночь я был арестован в общежитии, но по дороге я почему-то сбежал.

И снова пути, дороги, тамбуры — крыши...

Тбилиси. Не имеющий штампов об увольнении и выписке, а потому бесполезный паспорт, пришлось порвать. Некоторые компрометирующие куски: национальность и место рождения «потерять».

Взамен этого, якобы украденного и подкинутого ворами паспорта, я получил новый, в котором национальность удалось указать «русский». Так я на ходу сбросил самый тяжелый камень со своей шеи. Это было тем более легко сделать, что выдачу нового паспорта ставили в зависимость от согласия поступить на работу в городе Рустави, на строящийся Закавказский металлургический комбинат имени И. В. Сталина, где я и стал работать маляром-обойщиком на авиаремонтном заводе металлургического гиганта.

На этом грандиозном строительстве впервые пришлось жить и работать бок о бок с политзаключенными. Со многими из них я встречался и по делу и без. И с каждым днем учился все сильнее любить свою многострадальную Советскую Родину.

1950 год

Пришла весна — пришло и «дело». Снова арест прямо на работе соответствующими органами, и снова при доставке мне удалось сбежать. Мне почему-то всегда не нравились аресты. В непривычном такие регулярные бега должны бы вызывать морскую болезнь. Но постепенно я к ним привык.

Зато несколько подобных процедур дали мне больше знаний о базисе нашего общества и его надстройках, чем все книжки о нем, вместе взятые. Любопытен в связи с этими экзерсисами следующий курьез: и из Ворошиловграда, и из Рустави, и из Кишинева отделы кадров предприятий, где я работал в свое время, до сих пор, по первому же запросу, присылают справки с места работы, в которых причину увольнения так и пишут: «Уволен в связи с арестом».

И снова в поезде по стране...

Опять на руках паспорт без необходимых штампов. Опять калейдоскоп городов: Орджоникидзе, Семипалатинск, Баку, Одесса, Львов и много других. Удалось наконец завербоваться куда, как говорится, Макар телят не гонял — в Западный Туркестан, на свинцовые рудники Кентау, в трест «Маргалинсай-свинец». Даже заключенные попадали туда в те времена только «за особые заслуги». Скорая смерть гарантируется условиями труда и быта. Каждому пожелавшему туда поехать выдавалось 150 рублей «подъемных» и бесплатный проезд в товарном вагоне. Я с радостью запродавал себя на 2 года.

1951 год

Весна — спокойно прошел год. Но по-видимому, где-то и «дело» спокойно топает вдогонку. А может уже «догоняет»? Выкупился, возвратив полученные 150 рублей подъемных, и переехал в Новосибирск, где поступил маляром на знаменитый «Сибсельмаш».

Снова поступил в комсомол и стал комсоргом цеха.

Но вдруг — о ужас! Оказалось, что завод вовсе не сельскохозяйственного машиностроения... Бежать пока не поздно! — Вопреки «бронне» добился досрочного призыва на действительную службу.

И опять заре навстречу!

Дальневосточный военный округ, 276 отдельный батальон 76 авиатехнической дивизии. Я снова солдат. Чтобы попасть подальше на Дальний Восток, понадобилось соврать, что я шофер, и пришлось работать шофером-заправщиком реактивных самолетов. Бедный 276 батальон! Если бы он знал, кого пригрел!

Я стал отличником боевой и политической подготовки. Меня избрали комсоргом автороты, затем освобожденным комсоргом батальона.

Вот справка, полученная следствием из Архива Министерства обороны:

«...Хершкович М, Я., отличник боевой и политической подготовки», — такие приказы издавались ежемесячно, и Хершкович М. Я. во всех из них значился отличником на протяжении всей службы. (См. том 11, л. д. 235).

«...Хершкович характеризуется положительно, активно участвовал на посту секретаря комсомольского бюро роты и технической части, по-деловому подходил к решению задач и оказывал помощь командиру в укреплении воинской дисциплины и воспитании комсомольцев».

«...Награжден тремя ценными подарками, четыремя денежными премиями и 9 благодарностями за усердие по службе и дисциплину». (См. том 11, л. д. 291, п. 11 и л. д. 295).

На меня польстились, избрали в штаб дивизии. Так я стал инструктором по комсомольской работе в политотделе 76 авиатехнической дивизии. По рекомендации замполита батальона майора Суворова, командира автороты капитана Лужного и замполита автороты ст. лейтенанта Симоненко меня приняли кандидатом в члены партии. (См. т. 11, л. д. 267).

Штаб воздушной армии был переведен в Китай, а затем в Корею (Аньдунь). Перед отъездом на родину китайское командование наградило орденом.

1953 год

Возвратился в СССР. «Здравствуй, Родина!» — восклицал я, онемев от восторга и счастья. Слезы радости застилали глаза, а мозг пел: «Неужели я снова дома?». Но здесь произошло событие, отрезвившее меня и подтвердившее, что — да, действительно, я дома...

Это были дни работы XIX съезда партии. С докладом по Уставу ВКП(б) выступал Н. С. Хрущев. Он, между прочим, призвал каждого коммуниста, что-либо скрывавшего о себе от партии-мамы, прийти к ней и без боязни честно обо всем ей рассказать. Ничего-де не будет, утверждал он со съездовской трибуны.

Еще раз я исполнился надеждами и, полагаясь на столь авторитетную гарантию, данную от имени съезда партии, опять, дурак, рассказал о себе всю правду. Результат был, как это ни удивительно, прежний: «Свистать всех наверх!» и «Враг среди нас!».

Органы МВД арестовали меня, и конечно же, всего лишь для выяснения обстоятельств. Итого на 10 месяцев. И тем не менее, после столь длительной проверки — вот что сказано в протоколе состоявшегося тогда же заседания парткомиссии № 34 при политотделе 35 авиатехнической дивизии от 1 августа 1953 года:

«Установлено... Хершкович М. Я. при вступлении в партию... изложил письменно всю свою биографию, где указал действительную свою национальность, происхождение и свою деятельность до армии. В ходе проверки все изложенное им подтвердилось... За время прохождения службы Хершкович зарекомендовал себя только с положительной стороны». (Архивная справка. См. т. 11, л. д. 289).

Казалось, вопрос исчерпан. Но все это не имело ни малейшего значения. Как теперь, 17 лет спустя, выяснилось, ОВИР МВД Молдавской ССР, начальник Гринев, сообщил тогда же и в МВД СССР, и в МВД Приморского края, и в контрразведку, и в мою воинскую часть следующее:

«...по учетам ОВИР Хершкович М. Я., личное дело о проверке гражданства № 1778, направлено 5 мая 1953 года за № М-9-539 в Управление милиции УМВД ССР Приморского края и в копии сообщено товарищу Тулоукодиз...

...к препроводительным документам сделано сообщение, что Хершкович М. Я. *гражданином СССР не является*, и рекомендовано об этом информировать отдел контрразведки, МВД, в/ч 62235 для решения вопроса о дальнейшем пребывании Хершковича М. Я. в Советской Армии и партии. (См. т. 11, л. д. 280-а).

Итак, все-таки и без меня меня женили! Так XIX съезд партии я запомнил на всю жизнь. Но это, собственно, было мое уже не первое открытие из области нравственных причин и их следствий.

А дальше все пошло очень быстро:

Парткомиссией № 34 я был исключен и из комсомола, и из кандидатов партии. *Генерал-полковник Шмелев, ответственный секретарь парткомиссии Главного политического управления Советской Армии, теперь подтвердил Комитету госбезопасности:*

«...Хершкович М. Я... органами МВД был арестован и несколько месяцев находился под следствием». (См. т. 11, л. д. 284-286).

А Архив Министерства обороны СССР сообщил Комитету госбезопасности:

«...Хершкович М. Я... на основании указания Генштаба от 9.10.1953 года был уволен в запас... как лицо без гражданства». (См. т. 11, л. д. 236).

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Октябрь — я поступил работать здесь же, в колхоз «Лунки», Хорольского района, Приморского края.

Пока милиция думала, как со мной быть дальше, я экстерном сдал экзамены за 7 классов и заработал в колхозе крупную сумму за художественные работы.

Но очнувшиеся органы МВД взяли подписку о выезде из Приморского края в 24 часа. Когда я обратился за разъяснениями во Владивосток, в ОБИР МВД края, мне любезно сообщили, что я освобожден от каких бы то ни было прав, так как мой прием в советское гражданство аннулирован.

Но в то же время я и не гражданин Румынии, предупредили меня, и не оформлен как лицо без гражданства, добавили они, — что и предложено мне было тут же наверстать. (См. т. 11, л. д. 296).

Декабрь — оставив овировцев в приятном ожидании, я уехал в город Ленинград, который издаелека представлялся мне цивилизованным городом, колыбелью и цитаделью всяческих свобод и правопорядка.

Я быстро получил военный билет и паспорт на общих основаниях, прописался и поступил работать художником на фабрику Володарского. (См. т. 11, л. д. 107).

1954 год

Снова пришло «дело». Снова я был арестован. Однако обыски с целью изъять у меня воинский билет и паспорт остались безуспешными, а «Вид на жительство», который в Управлении милиции города Ленинграда снова хотели всучить — я не принял.

Как впоследствии выяснилось, вся суть этой интриги с моим гражданством состояла в том, что для компетентных органов было нежелательно оставлять у меня возможность пользоваться безграничными, с их точки зрения, правами обычного советского гражданина.

Во-вторых, надо было исключить даже малейшую, случайную возможность того, чтобы я хоть в отдаленном будущем мог поехать в Румынию к сестрам, братьям и родителям как гражданин СССР.

И в-третьих, были и иные обстоятельства, вытекавшие из советско-румынских переговоров в те годы. Говорить об этом здесь и неуместно, и постыдно.

Мое освобождение из-под ареста было поставлено в прямую зависимость от этого горячего желания сделать меня «де-факто» лицом без гражданства, желание, которое было еще настойчивее оттого, что, как выяснилось, мои родители беспрестанно, с 1949 года, все еще продолжали требовать: «Отдайте нам нашего ребенка или пустите нас к нему повидаться».

Я, естественно, настаивал на том, что я гражданин СССР, ошибся не я, а МВД, и пусть оно свою ошибку исправляет. Словом, за право пользоваться советским паспортом и прием вновь в советское гражданство, а также освобождение из-под ареста — я вновь подтвердил свой отказ от родителей и связи с ними.

Мне продиктовали письмо к моим родителям, в котором я сообщал, что забыл их, ни за что не хочу к ним ехать, либо даже видаться с ними в СССР.

И еще письмо — на имя начальника ОВИР города Ленинграда, полковника, кажется, Буторина, в котором «я» просил не давать моим родителям мой ленинградский адрес для переписки или приезда ко мне.

И еще письмо — в посольство Румынии в городе Москве, о том же самом, что в обоих предыдущих письмах!

Поэты!

Одолжив меня такими знаками несомненного доверия, — меня освободили и разрешили открыто пользоваться моим паспортом, пообещав восстановить мое советское гражданство. Через 2 года это действительно было сделано.

В 1956 году Президиум Верховного Совета РСФСР снова «принял» меня в советское гражданство. (См. т. 11, л, д, 307 и 344).

Таким образом, за 20 лет всего один-единственный раз я нарушил наложенную на меня в 1949 году

епитимью Комитетом госбезопасности города Москвы — никогда родителям не писать и не общаться с ними.

1955 год

Май — мне исполнилось 24 года. Я женился на Макаренко Л. С., забрал из детского дома и усыновил ее сына Сережу 8 лет. В ноябре у нас родилась дочь Оля. Вступив в брак, я перешел на фамилию жены.

Поскольку мы проживали в темной, полуподвальной комнате (в которой и сегодня, 15 лет спустя, живет моя семья), я взял участок заболоченной земли в пригороде Ленинграда в поселке Александровка Пушкинского района, засыпал его, и на деньги, ранее заработанные на свинцовых рудниках, на Дальнем Востоке и в Ленинграде по трудовым соглашениям и совместительству:

- реставратором дворцовой мебели Эрмитажа;
- реставратором древнерусской живописи (икон) в Епархии ленинградского прихода;
- декоратором на киностудии «Ленфильм»,

я стал своими силами, никого не нанимая, и только из утильных строительных материалов строить жилой дом для всей семьи, рассчитывая построить его за 5-6 лет. У меня к тому времени было около 180 тысяч рублей накопленных средств (в старом исчислении). (См. т. 6, л. д. 100; т. 14, л. д. 266).

1958 год

Поскольку выяснилось, что Макаренко Л. С. вступила со мной в брак, не расторгнув предыдущий, наша семья распалась.

Июнь — Куйбышевский нарсуд города Ленинграда признал наш брак недействительным и расторг его, но оставил мне фамилию Макаренко.

Я с сыном 12 и дочерью 3 лет стал проживать в построенном на участке сарайчике площадью 6 м², где соорудил печь и нары в 2 яруса.

Сентябрь — Макаренко Л. С. родила еще одну дочь Лизу, которую я записал на свое имя, а в 1960 году получил ее в возрасте 2-х лет насовсем. Она тоже стала проживать с нами в поселке Александровка. Так мы стали жить вчетвером, я и трое детей: двух, пяти и пятнадцати лет, во времянке в поселке Александровка. Невозможно, разумеется, иметь представление о том периоде моей жизни, какое было бы адекватно его природе.

Пришлось работать кочегаром в 9 жилконторе Октябрьского района города Ленинграда из-за того, что после 24-часовой смены следовал перерыв 3 суток. (Т. 12, л. д. 101 и 107).

Я самостоятельно подготовился по программе 8, 9 и 10 классов и в 1962 году поступил на заочное отделение философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. (Т. 12, л. д. 108).

В 1959 году за добросовестный труд на производстве меня наградили еще одной медалью. (Т. 11, л. д. 368).

К этому времени у меня складывалась коллекция безымянных портретов неизвестных русских мастеров 17 и 18 веков, которые я с увлечением разыскивал у коллекционеров или получал вместо платы за работы по реставрации. Я устанавливал, когда это удавалось, авторство и личность изображенных лиц и постепенно создал значительную галерею портретов исторических деятелей России петровского времени.

Собирал я также живопись, графику, прикладные предметы и материалы историко-революционного характера, относящиеся к событиям 1917-20 годов. (Т. 14, л. д. 87-89).

Вставка

Вот один из отзывов искусствоведа, доктора наук, который рассказал суду: «...У Макаренко я видел много портретов; они представляли интерес, но ими

никто не интересуется, это более трудное искусство...»

А на запрос КГБ дирекция Исторического музея СССР высказала следствию следующие соображения: «...в процессе экспертизы научные сотрудники Исторического музея СССР выявили портреты (в коллекции Макаренко М. Я.), представляющие большой интерес для музея». (Т. 9, л. д. 176).

Так потихоньку прошло второе десятилетие моей одиссеи, и мне постепенно начало казаться, что случайности, которым я до этого постоянно подвергался, были единичными и что после недавнего XX съезда партии они канули в вечность.

Но за то, что я всерьез воспринял, поверил и простодушно стал применять в своей жизни те универсальные истины, которые, кстати, и по сей день хладнокровно проповедуются нам со всех амвонов, я впоследствии поплатился всем, что имеет человек, кроме жизни.

Лишь путем тяжелой болезненной ломки с детства создавшегося душевного строя освободился я от своих иллюзий, которыми, несмотря на все черное, бывшее со мной, я был переполнен.

Ободренный XX съездом и приняв его призывы и решения за чистую монету, — я в том же 1956 году предпринял попытку — более, правда, смелую чем разумную — сообщить в ЦК КПСС о возникших у меня соображениях и озабоченности в связи с увиденным мною в Китае, и, в частности, о последствиях существовавшей системы непомерно высокой оплаты труда советских специалистов в этой голодной стране. (См. т. 12, л. д. 143 и протокол обыска от 4 июня 1969 г., пункт № 12).

Ряд писем я написал Советскому комитету борьбы за мир.

Мне представлялось, что объем накопленных в разных странах *разрозненных* знаний и информации о мирном сосуществовании государств с различным государственным и общественным строем нахо-

дится в противоречии с объективной необходимостью *комплексного* перехода к решению этих проблем на научной основе.

Я видел, что в современных условиях это противоречие превращается в *организованное* и даже *социальное*, так как отсутствует даже информация о проблеме в целом, что, по моему мнению, противоречило ее решению на уровне научного знания.

Эти мои письма, как я теперь понимаю, — наивные донельзя, я посылал Советскому комитету, так как в те времена я принимал его за то, за что он сам себя выдает.

Ни на одно из моих писем ответа, разумеется, не было. Как впоследствии выяснилось, это проходит по иным каналам. Однако я стал переписываться с проявившими интерес академиком Варга Е. С., директором Института мировой экономики и международных отношений, и писателем Эренбургом И. Г.

Несколько примеров из этого моего политического детства любопытны. Вот фрагменты из писем:

1960 год. «...взаимоотношения между государствами, — писал я тогда, — приняли извращенные формы, которые по своему существу и вытекающим следствиям являются не сосуществованием, а идеологической подготовкой к новой войне.

В то же время миллионы людей в отношении великого ленинского принципа мирного сосуществования делают, по крайней мере, одно скрытое, но само собой разумеющееся допущение: мирное сосуществование — это такие взаимоотношения государств и народов, когда род человеческий прямо или косвенно рассматривается как *одно целое*, когда сношения полны гуманности, великодушия и честности...»

«...С точки зрения этого *основополагающего допущения*, понятие «мирное сосуществование», которым сейчас многие бойко оперируют в расчете на низкий интеллект, является абстрактным и неопределенным

понятием пропагандистского толка, понятием, в которое не все вкладывают одинаковый смысл...»

«...это понятие открывает огромное количество проблем философского, экономического, политического и морального характера...»

«...комплекс проблем мирного сосуществования требует своего конкретного определения, чтобы стать всеобъемлющей доктриной международного права. Ибо не все вкладывают в понятие «мирное сосуществование» одинаковый смысл...»

«...представляется назревшим в связи с этим создание научно-исследовательского центра по изучению проблем мирного сосуществования государств...»

«...степень грандиозности и трудности осуществимости этой проблемы не должны быть препятствием на пути ее осуществления. Проявление же инициативы со стороны научной и культурной общественности в постановке этой проблемы перед предстоящим Всемирным Конгрессом за мир и всеобщее разоружение, — вполне соответствовало бы решимости наших народов внести свою лепту в это святое дело...» (Из письма Е. С. Варге: «См. протокол обыска от 4 июля 1969 г., пункт № 12).

1961 год. «...проблемы голода, информации, границ и многие другие взаимосвязаны с проблемой мирного сосуществования. А их решение — взаимобусловлено.

Разоружение может быть *лишь следствием торжества принципов* мирного сосуществования, а не наоборот. И таким образом, научная разработка этих проблем представляет собой объективную необходимость эпохи...»

«...Поэтому создание Центра по изучению огромного комплекса проблем мирного сосуществования позволило бы использовать умственный потенциал человечества для решения этой насущной задачи...»

«...Человечество выросло из одной категории отношений и объективно вступило в другую, качествен-

но новую, высшую категорию, — категорию взаимозависимости...»

«...практически речь, возможно, идет о новом морально-политическом базисе, соответствующем XX веку, который предстоит еще научно разработать и представить на суд народов (в ООН?..)» (Из письма И. Г. Эренбургу, т. 12, л. д. 146 и 147, протокол обыска от 4 июня 1969 года, пункт № 12).

Вот показания одного из свидетелей по делу, сообщившего Комитету госбезопасности: «...писатель Эренбург высказал ему на Всемирном Конгрессе за мир одобрение за смелость и оригинальность мысли...» (См. т. 5, л. д. 149).

1962 год, сентябрь. «...памятуя, что мораль монополий определяется материальными соображениями и принимая во внимание выводы Комиссии ООН по экономическим последствиям разоружения, из которых явствует, что на определенном этапе разоружения западные компании, производящие вооружение, понесут некоторый временный ущерб, и их прибыли уменьшатся, а занятость населения резко снизится, что является у них козырем № 1, я предлагаю: возможно, что кроме собранных воедино уступок технического и количественного характера, следовало бы также включить пункт экономический, а именно: *предложить* Западу часть средств, освобождающихся в будущем от разоружения в СССР, направлять их в качестве помощи для стабилизации экономического положения на некоторый первый переходный период либо в одни только США, либо во все страны блока западного...»

«...Но, возможно, следовало бы предоставить эти средства для компенсации на этот период непосредственно компаниям, производящим вооружение (на время перестройки их производств) для того, чтобы на этот же период гарантировать уровень доходов тем категориям трудящихся, которые могли бы от этой перестройки пострадать ... ведь все равно мы

эти деньги пускаем на ветер, — почему бы в кредит не купить на них разоружение?..»

«...мы должны начать *первыми*, начать с провозглашения технических, экономических и политических уступок, степень значимости которых была бы мерилom нашей решимости сдвинуть дело разоружения с мертвой точки и создало бы атмосферу доверия...» (Из письма Н. С. Хрущеву; протокол обыска от 4.VII-69, п. 12).

Июнь 1962 года: «...предлагаю образовать постоянно действующий координационный центр со своими финансами и штатом сотрудников...»

«...призвать профсоюзные, молодежные и иные организации, признающие и поддерживающие программу действий Всемирного Конгресса и разделяющие ее идеи, передать часть своих денежных средств, здания, радиостанции и т. п. в фонд движения за мир...»

«...организовать постоянно действующий и бесцензурный телевизионный и радио-час для пропаганды идей Всемирного движения, для отражения той борьбы за мир, которая происходит в мире...»

«...осудить ученых, которые, воспользовавшись плодами разума, аккумулированного столетиями и являющимися общечеловеческим достоянием, употребляют их против человечества и во вред ему, разрабатывая оружие массового уничтожения и совершая тем самым моральное преступление», и т. д. и т. п. (Из письма профессору Берналу, президенту-исполнителю Всемирного Совета Мира... Обнаружено при обыске 4 июля 1962 г. См. прот. обыска, п. № 12).

На ту же тему (то есть доводы в пользу создания в СССР *первого в мире* научно-исследовательского института по изучению проблем мирного сосуществования) я писал в газету «Правда» весной 1961 года, секретарю ЦК КПСС О. В. Куусинену — тогда же.

Письмо принес в здание ЦК КПСС, Старая площадь, дом 4, и в издательство «Правда». (См. т. 12, л. д. 144).

Так уж получилось, что по приглашению, переданному мне через Советский Комитет содействия проведению Всемирного Конгресса «За мир и разоружение», я участвовал в качестве зрителя в его работе. Съезд проходил во вновь построенном Дворце Съездов в июне 1962 года.

Практически у нас нет формальных каналов для обмена идеями, и они, как правило, остаются собственностью их владельцев.

Чтобы сообщить их государству — а мои идеи в то время казались мне стоящими, — приходилось стучаться в столь высокие инстанции. И я стучался упорно.

В феврале 1963 года я опять написал в газету «Правда», ибо в те отдаленные времена я относил эту организацию просто к прессе. Поскольку я никогда и ниоткуда не получил никакого ответа, в то же время я написал на имя секретаря КПСС и члена Политбюро М. А. Суслова, письмо отнес в здание ЦК и передал через экспедитора. (См. т. 12, л. д. 144 и 145).

Правда, академик Варга Евгений Самуилович, одобряя идею и полагая, что в ней есть «рациональное зерно», как он выразился, считал, однако, что в условиях Советского Союза создание подобного исследовательского центра вещь почти невозможная. (См. т. 12, л. д. 146).

Осенью 1963 года, по приглашению Международного подготовительного комитета, я принял участие, опять в качестве зрителя, в работе проходившего в Москве в Колонном зале Дома Союзов Всемирного форума молодежи и студентов. Во время работы форума выступил с речью «К землякам» в международном клубе «Форум», который был организован в здании Союза писателей по улице Герцена.

Речь обнаружена при обыске 4 июля 1969 года. (См. протокол п. 12).

Уже в мае 1961 года милиция Пушкинского района что-то вдруг вспомнила и отобрала у меня тот самый паспорт, которым я уже 6 лет пользовался, будучи по фамилии Макаренко М. Я., — в который я вписал уже троих своих детей по этой же фамилии и срок действия которого истекал лишь 4 года спустя.

Эти юдофобы выдали мне взамен лепесточек: 2 странички на 6 месяцев и опять на ту же, так полюбившуюся им фамилию «Хершкович», несмотря на то, что и в советское гражданство я был принят уже по фамилии Макаренко, и при расторжении брака эта фамилия была закреплена за мной решением народного суда.

Так было положено начало.

При совокупности беззаконий, из которых состоит нынешний режим, вполне понятно, что соответствующие и компетентные органы решили вознаградить меня за столь дурной вкус, решили получить удовлетворение за наглость, которую я допустил, решившись письменно изложить мысли, которые у меня возникали по разным поводам, и за бестактность, проявленную тем, что я принял приглашение на эти два международных форума, куда не был избран и утвержден в надлежащем порядке существующими для этого органами и на которые ездил за свой счет и вопреки всем учиненным помехам.

В те времена я еще не знал, что подобные не планируемые энтузиазм и активность могут поставить под угрозу всю дальнейшую жизнь человека.

Я не знал, что существует крепкий аппарат, способный принуждать к воздержанию от осуществления подобного рода деятельности тех безумцев, которые столь неблагоразумны, что не ограничиваются сознанием своего права на подобного рода деятельность, но и осуществляют его.

Мне еще не было известно и то, что весь государ-

ственный аппарат, как и общественный, нацелен на пресечение и подавление подобного рода инициатив, как и самих инициаторов со всеми их потрохами.

Что охотно палачествующий аракчеевский элемент, у которого кровь на руках еще не обсохла от не столь уж давних упражнений, под новой личиной осел на всех существующих теплых местечках и продолжает выполнять те же функции для нашей «новой» демократии, только новыми, «прогрессивными» методами.

Эти хорошие люди, по понятиям прошлых лет, снова заняли свое место под солнцем; они по-прежнему работают сплеча, нахрапом, по-прежнему наваливаются гуртом, стадом — все на одного, так сподручнее, и, главное, по-прежнему именуется это «диктатурой пролетариата».

Эта банда тотчас и принялась восстанавливать во мне утраченное было мной дисциплинирующее воздействие личного страха, а я с терпимостью, которой в себе не ожидал, принял на себя обрушившийся шквал мелких, неблагородных гонений, жестокостей и насилия, булавочных уколов и террористических актов — в их прямом, не переносном, не метафорическом смысле.

И все эти полицейские уловки и административные шалости были направлены лишь на одно: подавить желание, а если понадобится, — способность генерировать идеи, более того — наглость излагать их в письменном виде.

Эти успехи нашего нынешнего разложения тем более естественны, что в нашу эпоху представления о правовой и политической этике заимствованы из совсем еще недавнего прошлого — традиционно преемственны, в силу чего весьма расплывчаты и погребельсовски своеобразны.

Ленин, этот великий провидец, перед своей смертью успел предупредить, крикнуть: «Право — ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права». (Т. 33, стр. 99).

Как он был прав!

Но где, в каких городах и весях существует у нас такой аппарат? В сонмище бюрократических ведомств, составляющих наш государственный аппарат, такого нет! При нынешнем положении вещей его и не может быть, что и подтверждается его упорным отсутствием.

И приходится только удивляться извращенной фантазии тех, кто полагает что прокуратура, так называемый «народный суд», милиция и организации, функционирующие под видом «общественных», — это аппарат, существующий для осуществления, для гарантирования прав граждан. Наоборот, это аппарат подавления всех прав. До определенного времени заблуждался и я, пока не убедился в верности тезиса Толстого: «Прав не тот, кто прав, а тот, у кого больше прав». Это — исчерпывающее определение для наших дней.

А какое разнообразие лиц всех сословий и рангов, желающих сделать карьеру, или просто выслужиться, или, в силу одного лишь инстинкта, занимающихся повседневно и профессионально доносами, шантажом, фальсификацией и провокациями, клеветой и лжесвидетельством, пускающих в ход террор частной мести, прошло передо мной за эти несколько лет!

Судьба была благосклонна ко мне, и я увидел без маски звериный оскал этой нечисти.

Сразу же следом за Пушкинской милицией подключились все отделы Пушкинского горисполкома.

Мотивируя тем, что я долго строю дом, нарушая тем самым договор, в котором я брался, а вернее, меня обязывали построить его за 3 года, горисполком попытался продать мой дом с торгов и долго этим меня мучил.

Здесь стоит заметить, что договор я заключил еще в 1955 году, окончился он в 1958 году, но как и тысячи таких, как я, строящих своими силами, мы продолжали из года в год начатое дело, и никому

не приходило в голову ни помочь, ни помешать нам, ни дать жилплощадь, — ссылаясь на формальности договора.

А вот обо мне позаботились, поскольку интересы государства этого потребовали, и меня начали держать за этот пункт договора.

Бюро технической инвентаризации исполкома начало меня штрафовать за несвоевременное завершение строительства.

Будучи в безвыходном положении и не имея средств на постройку дома в сжатые сроки, я обратился в горисполком с просьбой разрешить продажу части дома с тем, чтобы я на полученную сумму мог его достроить. Исполком отказал. Но предложил продать весь недостроенный дом с тем условием, что я выеду из Ленинграда вместе с детьми. Подумав, я согласился и на это. Написал в исполком и попросил на это разрешение. Но тогда исполком отказал мне, сославшись на то, что дом недостроен! Круг замкнулся.

Снова начала виться хорошо мне знакомая веревочка шантажа.

Какие-то «межведомственные» комиссии и просто так называемая «общественность», и участковый уполномоченный — стали регулярно навещать ко мне и требовать снести времянку, в которой я с детьми жил, и сломать в ней печь.

Подключилось ОБХСС*. Дважды хватали и увозили меня — проверяли законность приобретенных мной для строительства материалов. Подвергались экспертизе даже предъявленные мной документы. Не было пределов удивлению этого органа, когда, против его ожиданий, оказалось, что даже дрова, уголь и песок я приобретал только на законном основании — в государственных организациях. По их признанию, в их практике такого случая еще не бы-

* Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. — Р е д .

ло. И они вполне на это рассчитывали, когда принялись за меня...

Словом, весной 1961 года я бросил свой дом, выписался из этого замечательного для всех туристов города-героя и уехал в пригород Москвы Домодедово, где стал работать чернорабочим на строительстве аэродрома, — как вдруг мне отказали в продлении прописки в общежитии и в обмене кончавшегося временного паспорта. Сигнал об этом дала Пушкинская милиция. Кроме того, я получил письмо от участкового, капитана Иванова, с предложением возвратиться в Ленинград. Меня предупредили, что нигде мой паспорт мне не обменяют.

Возвращение в Ленинград было ознаменовано вручением мне постоянного паспорта на милую милицейскому слуху кличку «Хершкович» и радостью Пушкинской милиции по поводу этого события, ознаменовавшего собой яркий пример преемственности поколений МВД.

Желая быть со своими детьми на одной фамилии, я обратился в органы ЗАГС-а с просьбой переменить мне фамилию на основании существующего законодательства, что в общепринятом порядке стоит каждому желающему всего лишь 15 рублей госпошлины. Но отдел ЗАГС-а Пушкинского горисполкома тоже должен был внести лепту в общее дело, да и, помимо всего прочего, можно ли было лишать Пушкинскую милицию этой маленькой ее радости?

И вот я получил ответ, простой, мудрый и волевой:

«Вам следует жить на Вашей родовой фамилии, в связи с чем Пушкинский райсовет в перемене фамилии Вам отказал».

Подписал заместитель председателя Горисполкома.

Почему именно мне было оказано такое особое исключение из общего правила — объяснять не стали, но предложили жаловаться, наперед будучи уверенны, что никто и не подумает прекословить задравшему хвост трубой горисполкому и присным.

Так оно и было на самом деле. Они как в воду смотрели. Я обошел с жалобой весь город и даже побывал в Министерстве внутренних дел в Москве. Ничего не помогло. В августе 1962 года я обратился в партийную комиссию Главного политического управления Советской Армии (ГПУ СА) с просьбой восстановить меня кандидатом в члены партии, так как в свое время, в 1953 году, я был исключен незаконно.

В апреле 1963 года ГПУ отказало мне в этой законной просьбе. По сообщению генерал-полковника Шмелева, ответственного секретаря парткомиссии ГПУ СА и ВМФ Комитету госбезопасности:

«...в архивах документов о принадлежности Хершковича М. Я. к КПСС не имеется, о чем ему было сообщено...» (См. т. 11, л. д. 286).

Вот как надо прятать концы в воду!

Март — я привел свой дом в полный порядок, он стал милым, но я видел, что жить в нем невозможно. Вся свора почитала своим долгом хоть походя, хоть мельком, но укусить. Много их было, этих укусов и мелких гадостей, они были ежедневны, список их длинен и скучен, но я его и не помню весь. Все то, о чем я пишу здесь, лишь крупницы того, что имеется в материалах дела, которые я просто расставил по порядку. Но это лишь верхушка айсберга!

«...психических нарушений не обнаружено, поэтому история болезни не заводилась...» (Т. 11, л. д. № 138).

Июль — рабочие железнодорожного цеха сместили цеховой профсоюзный комитет, избрали меня своим уполномоченным по ведению переговоров с администрацией завода и урегулированию с ней возникшего конфликта. Поскольку я не мог ни пренебречь доверием товарищей, ни устраниваться от обязанностей представительства в ходе выполнения этого поручения, действуя в соответствии с профсоюзным законодательством я обращался в вышестоящие профсоюзные органы, которые оказались целиком на стороне администрации завода.

Я выезжал в Москву в ЦК профсоюза, где люди оказались похитрее и на первых порах сделали вид, что они нам помогут, а на самом деле квалифицированно организовали гонение на каждого из нас в отдельности.

В «урегулировании» конфликта приняли участие в тех же неблагоприятных целях и прокурор Невского района, и РК КПСС, и Комитет народного контроля.

В процессе «разбирательства», чтобы не сказать — избиения, мы на практике познали наши усеченные, призрачные профсоюзные «права». Скучные до этого газетные сообщения на тему: «Полиция и хозяева сорвали забастовку», либо «Предприниматели объявили локаут» — обрели для нас живые краски и наполнились жизненной силой. У нас теперь было с чем сравнивать. Мы поняли на практике, каково приходится рабочим на диком Западе!

В те милые времена моего политического детства я знал только закон и его бумажный смысл. Я его знал так, как обычно знает большинство: букву закона, закон, как он изложен, а не закон в действии.

Законы о профсоюзах тем более надо испытать на себе, чтобы понять их настоящее значение.

Но тогда у меня не было ни практики, ни настолько благоразумия, чтобы не прибегать к защите закона — во избежание ожогов с осложнениями в последующем.

Зато в процессе обращения в разные профсоюзные и парторганы, которым даже я в те времена несколько доверял, выяснилось, что нет ни малейшей опасности, чтобы наше обращение было добросовестно рассмотрено, а администрация наказана. Наоборот. Все они были потрясены нашим цинизмом. Ведь мы предприняли наши действия в напряженнейший момент, когда вся страна встала на вахту в честь чёрт уже знает чего, а международный империализм во Вьетнаме, Гватемале, Гвадалахаре, Гондурасе, Родезии, Замбезии и Микрополинезии и

т. п. и т. п. — не дремлет, а только, так сказать, ждет...

Поэтому в первую очередь мне, — кого зачли зачинщиком, — открыто угрожали расправой, если я не откажусь выполнить поручение цехового собрания рабочих и не уговорю их прекратить «бузу», как они именовали наши действия. Их собственные угрозы, как и угрозы, уже не помогали.

Приехавший из Москвы представитель ЦК профсоюза рабочих строителей и стройматериалов сбежал от собрания рабочих, поудинялся с директором завода, поездил по другим органам, которые, впрочем, и без него хорошо знали, как в таких случаях следует поступать, — и смотался. Помимо всего прочего, несмотря на его блицпребывание в Ленинграде, он тем не менее оказался изумителен по части почерпнутых им подробностей из моей личной жизни.

Неотразимая волна грязи залила все после его отъезда. Чувствовался высокий профессионализм центра...

Зато личное участие в разборе конфликта председателя Объединенного комитета профсоюзов города Ленинграда А. А. Слепухина, члена ЦК КПСС, было отмечено чувством меры, соблюдением оттенков и тонкостью.

Сути дела он старался не знать. Подробности его шокировали. «Все это пустые бредни», — уверял он меня в ленинградском Дворце труда, куда меня удостоили не только вызовом, но и доставкой.

В хорошем пиджаке и с лицом доброй бабушки, в котором, взглядываясь, вы ясно видели известную метаморфозу, так неприятно удивившую Красную Шапочку, он лежа сидел в дворцовом кресле огромного, стометрового кабинета, покрытого ковром девятнадцатого столетия и обставленного в стиле «Ампир» первого консула.

Он не поднимал голоса и не сердился, хотя вся эта «буза» и происходила в его епархии.

Когда дело доходило до официально-обязательных фраз, тонкая и почти неуловимая улыбка на его губах доверительно предупреждала, что мы-де свои люди, церемониться нам нечего и должны понимать условности службы.

Не имея нужды со мной стесняться, он, с очаровательной бесцеремонностью, сперва предложил мне «отстать» от этого «грязного дела», так он нашу «бузу» квалифицировал, — причем вполне добродушно добавил, что обеспечит меня любой интересующей меня работой в любом конце города и заработком, вдвое превышающим нынешний. Детям же даст детсад рядом с жильем. (Как оказалось, к беседе он хорошо подготовился, зная, что я езжу в теплушке с детьми).

Но затем, когда я отказался, — мне пришлось вочию убедиться, что это тертый, матерый волк, в двубортном пиджаке и нейлоновой рубашке, затянутый в шикарный галстук.

После каскада угроз и увещеваний, голосом мягкого участия он сообщил мне на прощание, что даром мне это не пройдет. Трудно было поверить, что передо мной коммунист! Но какое-то мгновение перед этим он, как мне показалось, колебался, и даже я, давно уже способный судить о людях и разгадывать их разнообразное притворство, — расценил это чуть ли не как проблеск сознания.

Это общение еще раз, и со всей очевидностью, показало мне совершеннолетие наших профсоюзов в политическом отношении. У меня был случай убедиться в том, что существуют на свете весьма удивительные формы проституции, по сравнению с которыми собственно проституция представляется совершенно честным ремеслом.

А что касается этого партийного старообрядца, свое слово он сдержал, и мне это действительно даром не прошло. Но об этом позже.

В августе РК КПСС Невского района города Ленинграда вдруг отказался оплатить мне выполнен-

ную в свободное от работы время по его заданию 2-фигурную композицию рабочего и работницы, которую я изготовил из бетона и стали 12-метровой высоты и установил на правом берегу Невы к приезду в Ленинград с визитом Фиделя Кастро и Н. Хрущева.

Все мои жалобы оказались бесполезными. Когда гости уехали восвояси, РК КПСС решил вопрос вознаграждения просто: «Можете сломать», — порекомендовали они мне!

Тем временем вышел знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный дорогим нашим всеобщим товарищем Брежневым Л. И., по которому без суда и следствия, на ура, стали отнимать дома, в основном у тех, кто не имел средств на приобретение готового дома или на наем рабочей силы для строительства и на покупку новых, дорогостоящих материалов, как правило, очень низкого качества, и строил своими силами, используя половняк, шлак, отходы стройматериалов, ящики, горбыль, старое железо и трубы со свалок и т. п., но главное — свой ежедневный изнурительный труд из года в год.

Этот вид строительства сопряжен с отказом себе во всем, с постоянными лишениями. Здесь все за счет желудка, отпусков, праздников. А цель одна — иметь крышу над головой.

В связи же с подколодно-хитрым указом, построенные таким образом дома стали оценивать по наивысшим коммерческим расценкам без скидок на вложенный труд и на то, что стоимость использованных материалов равна почти нулю. На указанную стоимость дома стали требовать отчета об источниках поступления средств, а поскольку средств на подобного рода строительство никаких не поступало — дома отбирались как нажитые «на нетрудовые доходы». Это позволило отобрать дома у всех неимущих в первую очередь, затем продать их с торгов

тем, кто имеет денежки, и пополнить казну таким оригинально-социалистическим образом.

Полковник Елисеев — председатель Александровского поселкового Совета депутатов трудящихся (так по-иезуитски именуется эта камарилья), уверенный в безграничности своих прав, не дожидаясь судебного решения и не стесняя себя приличиями, — строил план размещения в моем, еще не отобранном у меня доме, различных служб и кабинетов.

Непривычный обуздываться, он требовал беспрепятственного доступа в мой дом в любое время для осмотра и перепланировки помещений и не на шутку сердился, когда я отказывал ему в этой милости. Он приводил для подкрепления участкового, депутатов своего совета, приезжал даже председатель горисполкома Русов, — все хором доказывали, что не сегодня-завтра все равно отберут дом, чего же ершиться? Вызывали милицию. Решение суда об отобрании у меня дома у этих правоведов не вызывало ни малейшего сомнения, и они удивлялись моему «формализму»...

Дом же им был нужен позарез и срочно.

Началось интенсивное обхаживание меня «комиссиями», у которых при всем желании концы с концами не сходились. Исполком 6 раз рассматривал с моим и без моего участия «дело» об отобрании у меня дома — но концы с концами не сходились, так как мои заработки на Дальнем Востоке и в Ленинграде по совместительству и трудовым договорам все перекрывали с лихвой.

Но все повторялось снова и снова, видно было, что это не проверка, а команда: «Ату его!»

Я снова вынужден был бросить дом и снимать комнаты в городе, скрываясь от Пушкинских законников.

Тогда через органы милиции меня стали, вопреки существующим правилам, вынуждать жить только в своем доме — для удобств названных комиссий,

так как им несподручно было разыскивать меня в городе, а дело двигать надо. (См. т. 11, л. д. 57).

Тем временем горисполком придумал ход, как отобрать у меня дом легко и просто.

Несмотря на то, что я 8 лет сам его строил, никого не нанимая, строил из битого кирпича, половняка и шлака, а также продающихся на дрова старых шпал, исполкомовцы, во-первых, оценили мое домовладение, включая посаженные мною кустики и сарай — по первому классу городского строительства зданий, хотя в доме еще не было полов и т. п., а во-вторых, добавили к этой втрое завышенной стоимости, выше которой не существует, еще 10% «стоимостных коэффициентов», хотя никто не мог мне объяснить, что это вообще такое, и передали дело в Пушкинский суд. (См. т. 12, л. д. 41).

В сентябре — три дня — с 25 по 27-е, суд, при полном зале сочувствующих мне жителей Александровки, рассматривал наглый иск исполкома.

Однако даже несмотря на тогдашнюю моду и видимость законности, прикрытую упомянутым Указом Президиума, санкционировавшим упрощенное судопроизводство, суд не смог удовлетворить притязаний истца, Пушкинского исполкома, и возвратил ему дело за недоказанностью.

Еще в июне из-за всех этих мытарств пришлось испросить академический отпуск и разрешение на сдачу академической задолженности по химии и высшей математике в Ленинграде, по месту жительства, на что я получил разрешение за подписью декана философского факультета Молодцова. (Т. 12, л. д. 108 и 109).

Следствие опрометчиво приобщило мои экзаменационные листы, из которых видно, что к 1 октября я действительно сдал общую химию на «хорошо» и сообщил декану, что в течение недели сдам и высшую математику, что я и сделал 14 октября, сдав на «хорошо» и экзамен по высшей математике. (Т. 12, л. д. 112 и 113).

Но жаждущий реванша за поражение в суде по делу об отобрании у меня дома, исполком, отлично усвоивший, что тайна злодеяний заключена в мелочах, 18 октября обратился с так называемым «запросом» (читай доносом) в Московский университет, который заслуживает быть приведенным:

«Сообщите, — просит заместитель председателя исполкома Шакшуев и задает университету наводящий вопрос, — действительно ли продолжает еще обучаться на философском факультете МГУ Хершкович М. Я., в отношении которого возбуждено административное дело об изъятии дома, как построенного на нетрудовые доходы...» (Т. 12, л. д. 110).

Тот факт, что домогательства исполкома суд был вынужден отклонить еще месяц назад, по вполне понятным причинам, этот подстрекаемый инстинктом волчьей стаи фашистик скрыл.

Более того, исполком пошел на явную ложь, и вот теперь, 7 лет спустя, ароматный чад этой административной кухни становится общедоступным.

И кроме того, какое — хоть малейшее — правовое значение для моего обучения в университете, казалось бы, может иметь всего лишь тот факт, да и то, как теперь видно, липовый, что против меня возбуждено — заметим — не уголовное, не гражданское, а всего лишь административное дело.

Но это рассуждение туриста.

Ибо Шакшуев знает практику совработы, а это больше чем знание самого права, знать которое, в силу занимаемого положения, ему собственно и незачем. И Шакшуев не ошибся в своих административных предположениях, в чем и мы сейчас убедимся.

Уже 20 ноября декан заочного отделения философского факультета Овсянников услужливо рапортовал Пушкинскому горисполкому:

«Решением комиссии по студенческим делам М. Я. Макаренко отчислен за академическую неуспеваемость», — в подтверждение чего приложил выписку

из приказа ректора МГУ академика Петровского от 20 ноября 1963 года № 1108/у.

Следует отметить, что исполнительный Овсянников перещеголял даже фашиствующего Шакшуева.

У того была одна ложь, да и то с горя. Но этому-то, заочному декану, что надо было? А ведь в его ответе 2 лжи. Во-первых, на заочном отделении, по крайней мере нашего факультета и в те годы, не существовало «комиссии по студенческим делам», поскольку собственно и студентов нету...

А во-вторых, у меня не только не было академической неуспеваемости, более того, я не просто успевал, но успевал только на «хорошо» и «отлично» и шел впереди всего своего курса.

Но такова академическая служба! В этом взаимодействии ведомств, собственно, и нет ничего необычного, с точки зрения господствующей ныне морали и политических «нравов». Более того, они оба почти честные люди, и к ним трудно придрататься, — если подходить с мерой укоренившейся государственной нравственности, являющейся обязательной для его (государства) представителей, в том числе и в сфере образования.

В этом же ноябре, по распоряжению прокурора города Ленинграда, меня снова принудительно доставили, — но уже в психоневрологическую больницу № 4 города Ленинграда (Лиговка 128), где около 3 часов мне задавали провокационные вопросы такого рода: «Какая рука у вас левая?» — «Сколько времени показывают часы?» и т. д. Затем шел показ картинок, к которым следовало припомнить подходящую пословицу. Все пословицы получались примерно такие: «Не в свои сани не садись», «Коль сапоги начнет тачать пирожник, а пироги печи сапожник...» и т. п. — смысл которых надо было пояснить еще и своими словами и привести примеры...

Присутствовали 12 районных психиатров и главный психиатр города Ленинграда. После «обследования» обзревались мои письма с комментариями и

вопросами. Под конец резюме: «Не хочешь быть леченным — не пиши!». Твердо им это обещал.

Блаженны нищие духом!

С сожалением подписывали мне пропуск из этого Бухенвальда. Охрана даже не могла сначала взять в толк: ходила выяснять, действительно ли меня надо выпустить? А ведь на самом деле, как оказалось, их карета психопомощи почти две недели охотилась за мной. Обидно, конечно...

Так потихоньку для меня всплывали факты, раскрывающие особые функции и характер подлинной деятельности некоторых наших государственных учреждений.

В конце ноября — милицией я был вновь предупрежден о необходимости проживать только по своему адресу, по-видимому, для большего удобства организаций вроде психобольницы № 4 и иже с нею.

По этому же поводу прокурор Никифоров потребовал письменное объяснение и обещание. Дал ему.

Декабрь — по очередной повестке Пушкинского отдела народного образования приехал в исполком, как просили, с детьми, ничего, конечно, от РОНО не ожидая. Оказалось, еще один военный, заведующий РОНО Филин, устроил мне ловушку, с тем чтобы силой отобрать детей. Когда он не сумел этого сделать с подсобным коллективом своих педагогических сотрудников, — вызвал милицию.

Но мои дети привыкли ко мне больше, чем к Филину и милиции, и их реакция на эту благородную акцию отдела народного образования оказалась непедagogичной. Детей взять не смогли, лишь кое-что на них порвали, да не досчитались пуговичек...

Присутствовали все депутаты Пушкинского горсовета, собиравшиеся в этот день на свою сессию и вынужденные ее прервать из-за детского крика в здании.

Между прочим, удивлению депутатов моей наглости не было предела: как я воспитал детей! Они против власти уже в таком возрасте!

И наконец, новогодний подарочек в канун 1964 года.

27 декабря органы милиции Кировского района города Ленинграда, совместно с милицией Пушкинна и при участии представителя исполкома Никанорова, во исполнение своих садистских наклонностей совершили еще одну объединенную акцию: меня с детьми выселили на улицу, в снежок, при 30° мороза, со всеми вещами, из комнаты, которую я снимал по улице Ленсовета № 6 — совсем как в лучших фильмах буржуазного Запада.

Это было сделано, как сказано в приобщенном к делу документе:

«...несмотря на разрешение ЖЭК на проживание и согласие всех жильцов по квартире». (Т. 12, л. д. 57).

Но власть, когда она краснела?

Это была, кстати, одиннадцатая комната, которую я переменял, спасаясь от этих организованных сатрапов, с 1962 по 1963 год, с единственной целью — исключить элемент внезапности при применении ко мне тех разнообразных мер, на которые были так щедры мои преследователи.

Я предпочитал приходить самостоятельно по получаемым повесткам — простившись и собравшись. Внезапное же хватание меня на дому, кручение и перевозка при стечении любопытствующих, мне почему-то всегда претили. А повесточек, с 1963 по 1964 год, я собрал 186 штук. Раньше не мог додуматься, что их тоже можно коллекционировать, а с середины 1956 года мне перестали их выписывать, обходясь иными способами извещения, после того как я кому-то из них сообщил о своих собирательских успехах.

На 25 году своей жизни в СССР я так и не узнал, что значит быть свободным, но уже хорошо знал, как и мои дети, что значит быть жертвой.

Мы постоянно жили в среде палачества и раболепия, преследований и террора, который словами опи-

сать у меня не достаает талантов. Его можно только представить. Мне кажется, слово «преследовать» — специально придумано для нашей страны.

Десятилетиями воспитываясь на мякине нашей пропаганды и протекционистской литературе, которую только за неимением другого названия можно именовать этим святым словом, — я привил себе оптический обман восприятия реальной действительности и долго, слишком долго, не хотел от него отказаться.

Несмотря на то, что меня постоянно подвергали физическому и моральному массажу, я упорно и вопреки очевидности смотрел на все окружающее только сквозь систему взглядов, привитых мне этим воспитанием. Во всем пытался видеть «отдельные», «отдельно взятые» и т. п., которые у нас встречаются «пока» еще в «некоторых местах»... Тьфу! *Подделом же мне.*

И не один еще десяток отрезвляющих ушатов понадобился моему мышлению, чтобы восстановить заново чутье истины, осмыслить и осознать тот нравственный чад, в котором я жил и верил, и вдобавок найти в себе силы броситься из него вон, на чистый воздух жизненных реальностей, которым так упорно и изошренно все страшат вокруг. Очень медленно, но неуклонно, силой, меня отрешали от моих книжных иллюзий.

1964 год

Январь — как выселение, так и поиск жилья в лютые морозы, да еще накануне Нового года, да еще с 3 детьми — дело не простое. В результате младшая девочка заболела. Взять ее на очередную смену и возить в теплушке, как раньше это делал, на этот раз я не мог. Оставить ее тоже было не с кем на 8 дней. Врач дала освобождение от работы в связи с необходимостью ухода за больным ребенком.

10 января злополучная администрация завода железобетонных изделий имени Ленинского комсомола,

которая не позабыла мне мою профсоюзную «бузу», тотчас уволила меня «за прогул», не допустив рассмотрения этой своей акции в профсоюзе с моим обязательным участием, что совершенно обязательно по закону.

4 месяца спустя, когда мне после долгих мытарств удалось восстановиться на работе, Судебная коллегия в своем решении имела все основания отметить:

«...из имеющейся в материалах дела справки (л. д. 2) усматривается, что истец в период с 11-I-64 года по 15-I-64 года нуждался в освобождении от работы в связи с уходом за больным ребенком» (Дело 2-14-82, 64 г. Невского нарсуда; том 11, л. д. 138, п. 4).

А о том, как мне приходилось жить, имея свой дом, видно из акта обследования моих жилищных условий комиссией РОНО:

17 января «Хершкович М. Я. живет с двумя детьми в 5-метровой комнате. Дети одеты опрятно, хорошо, чисто, питаются калорийно; обе учатся ходить на фигурных коньках. Девочки не производят впечатления запуганных...» (Дело 2-230-64 Пушкин. суда; том I, л. д. 18).

Через два дня после увольнения, 12 января, бдящая медицина вновь доставила меня в Пушкинскую больницу и обследовала в психиатрическом кабинете. Так постепенно они научились и в таких условиях вылавливать меня по мере надобности.

В архивной справке одна из участниц этих обследований, врач Аистова, игриво сообщает Комитету госбезопасности, не предполагая, что и я буду читателем ее откровений:

«...Хершкович М. Я. в 1964 - 65 годах по ходатайству комиссии по делам несовершеннолетних Пушкинского горисполкома проходил амбулаторное обследование.

Психических нарушений не обнаружено, поэтому история болезни не заводилась...» (См. т. 11, л. д. 183).

Цинизм этой фальшивки тем более замечателен, что, как известно каждому, ни одна исполкомовская

комиссия, тем более работающая на общественных началах, не может санкционировать принудительное медицинское освидетельствование кого бы то ни было, даже своих собственных членов.

И второе. Ни одно обследование, проводимое в медицинских, а не в иных целях, да еще и принудительное, не проводится без заведения истории болезни.

Но чего не делает наша медицина ради хлеба, отечества и долга? Что она еще делает, кстати сказать, удалось узнать во время пребывания в московском Институте судебной психиатрии имени профессора Сербского, где я пробыл полтора месяца по путевке КГБ, но об этом — во второй части моего повествования.

Тем временем прокуратура района, обрадовавшись, что я уволен с работы и стал «тунеядцем», а в связи с этим от меня перестали поступать суммы штрафов, которые удерживались с меня в те щедрые времена по шести исполнительным листам (т. 11, л. д. 131), немедленно дала санкцию судебному исполнителю города Пушкина Харченко описать имеющееся у меня имущество в обеспечение означенной суммы штрафов.

При осмотре моего жилья, имущества, пригодного для этих целей, не оказалось (так как я все имущество держал отдельно от себя). Исполнитель Харченко описал дом к продаже с торгов и металлические часы, которые тут же снял у меня с руки.

Пальто на мне осталось лишь благодаря январю. А тем временем администрация завода, в связи с моим обращением в суд Невского района о восстановлении на работу, стала оттягивать рассмотрение дела, а синхронно с нею действующая прокуратура — брать у меня подписку за подпиской о срочном трудоустройстве: в 2 недели, в 1, в три дня — меня уговаривали бросить завод, что мне, дескать, в нем — свет клином сошелся? А чтобы подбодрить, попугивали выселением из Ленинграда «за тунеядство»...

Февраль — столь же синхронно действующий народный суд города Пушкина тут же пропустил меня через жернова своего правосудия.

В те времена я обращался с иском о лишении родительских прав матери моих детей.

По вполне понятным причинам, суд рассмотрел дело по моему иску без моего — истца по делу — участия, что совершенно невозможно, если придерживаться хотя бы формы правосудия; зато в судебном зале оказались и обиженные мною заинтересованные лица с завода и начальник железнодорожного цеха Комиссаров, против которых я выступал за полгода до этого по линии профсоюза, возглавляя «бузу» железнодорожного цеха, и столь много униженный полковник Елисеев, командующий поселковым Советом депутатов трудящихся Александровки, и Енареев, возглавлявший неудачливую комиссию по отобранию у меня дома.

Суд, естественно, с легкостью пришел к выводу о том, что мое желание иметь детей при себе представляет общественную опасность, и постановил отобрать их у меня и поместить в государственные детские учреждения.

Поскольку эти молодцы свои решения исполняют всей силой государственного аппарата, не дожидаясь исполнения этого гуманного судебного решения, я быстро устроил старшую дочь Ольгу 8 лет в музыкальное училище имени Римского-Корсакова, по классу фортепьяно, где имелась интернатная группа.

Младшую дочь у меня похитили с участием представителя Пушкинского горисполкома Никанорова, и она попала в интернатный детсад.

Но и это еще не все.

В марте — свою тяжелую артиллерию подключил областной отдел народного образования.

Ленинградское ОБЛОНО* распорядилось не разрешать девочкам видаться со мной. А когда я стал

* Областной отдел народного образования. — Р е д.

настаивать на своем праве видеться с детьми хотя бы изредка, директор Музучилища Житомирская дала мне справку с печатью о том, что этот запрет исходит от ОБЛОНО.

Этот документ я храню и поныне.

Когда эта бомба угодила в детство моих детей, им было 5 и 8 лет. Так постепенно я приходил к выводу о том, что я и мои дети и вне закона, и вне человечности.

Прокуратура и района и города, Ленгорисполком, обком партии и даже депутат Верховного Совета СССР Чулаки, к которым я поочередно обращался, делали вид, что ничем не могут мне помочь. У меня сохранилась любопытнейшая переписка с этими антропофагами.

А тем временем полковник Елисеев, пользуясь удобствами того, что я «тунеядец» и проволочками нарсуда Невского района, который должен был рассмотреть мой иск в 10-дневный срок, а протянул резину 3 месяца, спешно стряпал «дело» о выселении меня «за тунеядство» из Ленинграда.

На его долю оставался, так сказать, завершающий удар, и он его форсировал в темпе.

Удобным моментом моего так называемого «тунеядства» воспользовался и горисполком города Пушкина. Наконец-то обстановка благоприятствовала осуществлению его давнишней мечты: отобрать у меня дом.

24 марта — горисполком принял решение простое и мудрое, как мычание: к предыдущей, втрое завышенной оценочной стоимости дома он прибавил еще 40% стоимости коэффициентов и снова передал дело в суд, чтобы покончить с ним наверняка.

Суд — мы уже видели какой — отличные заплечных дел мастера. А «тонкость», с которой была осуществлена абордажная операция по отобранию у меня дома — воистину показатель того, что наше «народное» правосудие и судопроизводство достигли своего совершеннолетия в юридическом отношении.

Свидетели опрошены не были. Адвокат допущен не был. Моя попытка привести какие-либо доводы была мягко предупреждена председательствующим судьей Титовым: «Не беспокойте себя доказательствами, — заметил он мне голосом задушевного участия, — и так все ясно».

Дело действительно было абсолютно ясное, как и любой грабеж на большой дороге.

Поэтому, хотя и не допустили адвоката, кроме прокурора, присутствовал и «общественный обвинитель» Енареев. Но и при таких обстоятельствах постановление суда было столь шатко, что суд счел за благо вынести его... без права обжалования! А ведь еще не было бандита, который, развед и ограбив, запретил бы своей жертве жаловаться! Но для Пушкинского суда только такие чрезвычайные меры по моему делу казались приемлемыми для обретения истины и гарантии ее незыблемости (Т. 11, л. д. 333).

А сколько потом, всю мою остальную жизнь, били меня на каждом шагу этим отобранном домом, отобранными детьми, исключением из университета!

До сих пор не могу постичь, почему так долго я старался видеть в этом легализованном пиратстве нечто иное?!

Суд, именуемый «народным», счел общественной опасностью тот факт, что я, проживая с детьми в темной полуподвальной комнате, не дожидаясь многолетней очереди на получение государственной жилплощади, 8 лет, изо дня в день, сам себе строил дом и был таким образом вне зависимости от того каскада гнусностей, которые приходится десятилетиями выносить, чтобы «лояльностью» и «добросовестностью», во вкусе власть предержащего местного руководства, заработать право на получение государственной жилплощади.

А в апреле, с 11 по 13 (на это понадобилось 3 судодня вместо максимум 3-х часов), Народный суд Невского района, оттянувший вопрос о восстановле-

нии меня на работе ровно настолько, насколько было необходимо Пушкинскому суду, чтобы в решении я выглядел как «тунеядец» при отобрании у меня дома, рассмотрел, наконец, мой иск к администрации завода, и теперь, 4 месяца спустя, восстановил меня в должности плотника железнодорожного цеха. Надо сказать, что этого не произошло бы, если бы весь зал суда и даже подходы к нему не были бы битком забиты рабочими цеха и завода, которые мешали администрации, почтившей суд своим присутствием в полном составе, (около 20 человек) продолжать плести свои интриги.

В ходе судебного следствия и председательствующий, судья Перелыгина, и прокурор откровенно высказывали удивление тому факту, что не удалось взять меня измором, что я настаиваю даже 4 месяца спустя на восстановлении в той же должности и на тот же завод. Суд присудил мне компенсацию за вынужденный прогул в размере 20-дневного заработка... Спасибо и на этом, мы ведь не в Штатах.

Решение, кстати говоря, исполнялось при помощи судебного исполнителя. Завод же обжаловал решение вплоть до Верховного Совета СССР!

Но какие еще милые шутки придумает эта антреприза? — думал я после каждого их административного эксцесса. И всегда моя фантазия была бесильна, ибо, как мы еще увидим, придумывалось многое такое, что другим и в голову не придет.

В мае — во время очередного моего дежурства мою теплушку во время движения поезда подожгли «неизвестные»...

В июле — те же «неизвестные» на участке пути между Ленинградом и Сестрорецком, и опять же ночью («яко тать в нощи»), прицепили к моему составу 2 аварийные железнодорожные платформы, оси которых имели трещины и которые несколько лет как были списаны.

По утверждению специалистов, в случае, если бы я тотчас не обнаружил это баловство, при движении

состава со скоростью всего *лишь* в 10-15 км в час, катастрофа была бы неминуема.

Так продолжала раскручиваться веревочка коллективного шантажа и угроз. Недовольная проявленным ко мне сочувствием со стороны всего железнодорожного цеха, и не только железнодорожного, администрация завода вновь сфабриковала документы на мое увольнение за якобы совершенный мною прогул — излюбленный метод всех администраций в таких случаях.

В конце июня, проработав всего 3 месяца после восстановления на работу, я снова был уволен.

Я обратился опять в суд с иском о восстановлении на работу. Завод и суд снова стали тянуть резину и опять «готовили» дело к слушанию 4 месяца! Попутно милиция постоянно требовала объяснений о средствах, на которые я живу во время столь длительных перерывов в работе. Тогда я обратился к заседающему во Дворце Труда города Ленинграда — добрейшему, предлагавшему в свое время всякую помощь и содействие — Слепухину с просьбой об оказании мне посильной помощи в связи с такими обстоятельствами.

Как орудует эта представительная банда, весьма любопытно, и мне хотелось познать ее методологию.

8 июля — означенный Слепухин, член КПСС и председатель Облпрофсоюза, у которого я попросил всего лишь 20-50 рублей помощи, да и то «по старой памяти», сделал вид, что должен испросить мнение полковника Елисеева, моего поселкового председателя, для чего и запросил его в следующих выражениях:

— «Сообщите, — писал Слепухин, а дальше, как мы уже видели, — наводящий вопрос, — действительно ли нигде не работающий Хершкович М. Я. нуждается в оказании ему материальной помощи?»

Через неделю, 15 июля, поселковый совет, за подписью одного из своих депутатов Буянова, который меня никогда и в глаза не видел, ответил Слепухи-

ну, предварительно с ним созвонившись, как он сам потом объяснял мне:

«...Хершкович М. Я. разложившийся человек и недостойн оказания ему материальной помощи». (Т. 12, л. д. 47).

Что, как говорится, и требовалось доказать.

А еще через неделю, 22 июля, бюрократически пунктуальный Слепухин не поленился ответить мне любезным письмом, в котором сообщал, что при таких «непреодолимых» для него препятствиях оказать мне материальную помощь профсоюзы не могут.

И последним в июле приложил руку Шакшуев из Пушкинского горисполкома — заместитель председателя.

31 июля — жаждущий сатисфикации Исполком обратился к прокурору города Ленинграда Соловьеву с гнуснейшим письмом обо мне на 2 листах машинописного текста. (Т. 12, л. д. 50).

А тем временем и моя старшая дочь Оля, 8 с половиной лет, задерганная доставшимся на ее долю «счастливым детством» и не имеющая возможности видаться со мной, пыталась наложить на себя руки в спальнной комнате музыкального училища имени Римского-Корсакова.

Председатель Пушкинского нарсуда Титов писал по этому случаю Отделу Народного Образования:

«...О фактах неблагоприятного влияния... на Ольгу, находящуюся в музыкальном училище, которая пыталась наложить на себя руки, — для срочного вмешательства и проверки обстоятельств... акт прошу срочно доставить в нарсуд...» (Дело 2-1148-64 Пушкинского суда, л. д. 135).

Кстати, это один из результатов судебной практики и самого Титова и его судейской компании.

9 августа — представитель Пушкинского исполкома Никаноров приехал с милицией и дружиной на мою жилплощадь, к ремонту которой я приступил, и арестовал помогавших мне комсомольцев Родинова, Демидова, Матвееву и Зыкова. Их заставили пере-

одеться и доставили в милицию «для выяснения»... Причем Матвееву они заставили переодеваться в своем присутствии... Через некоторое время их выпустили, посоветовав со мной не водиться, а заодно установив их личности для дальнейшего... (Дело 2-1148-64, л. д. 203; т. 12, л. д. 90).

Назавтра, 10 августа, соревнующаяся с Пушкинским горисполкомом администрация завода, которой предстояла невеселая перспектива вновь принять меня в ближайшее время в свой коллектив, что несомненно шокировало ее эстетические вкусы, направила неунывавшим депутатам Пушкинского горисполкома «для сведения» материалы собственного «расследования» о моей личности.

И одновременно послала слезную жалобу на 6 листах машинописного текста прокурору Ленинграда, как бы самостоятельно и независимо от горисполкома (Т. 12, л. д. 50).

На следующий день, 11 августа, получив, по-видимому, какие-то указания городской прокуратуры, Исполком послал своему народному суду материалы на мою персону на 9 листах машинописного текста! (Т. 12, л. д. 50).

Вот начало этого классического текста (к сожалению, изъятого КГБ из моего архива):

«...надо быть Хершковичем, чтобы пробраться, как равный среди равных, между наших советских, социалистических детей...» — и так далее все 9 листов! Надо быть Пушкинским горисполкомом, чтобы так живописать в 1964 году первые мои шаги по советской земле в 1939 году и уже первые, как видите, сионистские происки. Д. 21148-64 Пушкинского суда, л. д. 17-26).

Еще два дня спустя, 13 августа, заведующий РОНО Филин, специализирующийся после работы в контрразведке на детских делах и так неудачно в свое время пытавшийся отобрать у меня моих детей, — удивительно вовремя получил от одного из своих подручных сотрудников, инспектора Герасимовой,

докладную, в которой та клятвенно сообщала своему начальству о том, что я, не более не менее, как выразил пожелание повесить горисполкомовца Никанорова за ноги, по методу венгерских хортистов, и указал ей место осуществления моих кровожадных вожделий — здание самого Исполкома. Филину к этому времени именно это позарез и нужно было. (Т. 12, л. д. 70).

Назавтра же, 14 августа, он письменно уведомляет и предполагаемую жертву — Никанорова, которому рекомендует возбудить уголовное преследование против меня, и Пушкинского прокурора Никифорова, которому сообщает о происшедшем, проведенном дознании и принятых мерах. (Т. 12, л. д. 71).

В тот же день, 14 августа, эстафету принимает неугомонный полковник Елисеев из Александровского совета. По странному стечению обстоятельств, и ему одна из его сотрудниц, врач местной поликлиники Фролова, тоже делает признание, и тоже подозрительно вовремя.

В связи с этим якобы поступившим к нему признанием, мастер на все руки Елисеев шлет парторгу завода железобетонных изделий Иванову крайне ему нужный «документ» для недопущения моего нового восстановления на работу и заодно для отмены и предыдущего судебного решения.

В этом «документе» Елисеев, в ответ на услуги, оказанные администрацией завода Пушкинскому горисполкому в отобрании у меня дома, сообщает, что-де врач Фролова, выдавшая мне 9 месяцев тому назад освобождение от работы в связи с необходимостью ухода за больным ребенком, «вспомнила» и призналась ему, Елисееву, в своей докладной записке о том, что она сделала это под угрозой применения силы, а вот теперь (см. т. 12, л. д. 51), почти год спустя, вдруг об этом вспомнила...

А назавтра, 15 августа, врач Фролова, чтобы не подвести свое начальство, такую докладную действительно написала и Елисееву в этом «призналась».

Но именно *назавтра* — днем позже, чем сообщил об этом Иванову Елисеев!

Правда, они не предполагали, что эти две доверительные бумажки сойдутся когда-нибудь вместе и станут объектом моего изучения. Они не думали, что провокаторов удастся поймать с поличным 6 лет спустя при помощи ничего не подозревающего следствия, которому, пользуясь случаем, свидетельствую свое почтение.

Но нашу политическую полицию трудно чем-нибудь сконфузить. Она умеет не краснеть. В системе моральных устоев этих людей начисто отсутствует нечто самое важное и необходимое, что, собственно, и делает человека человеком.

Что касается провокационного признания с девятимесячной задержкой врача Фроловой, Ленинградский городской суд высказал о нем следующее соображение:

«Хершкович М. Я. нуждался в освобождении от работы в связи с уходом за больным ребенком, и основания не доверять этой справке не имеется». (Т. 11, л. д. 138, пункт 4).

Но посмотрим, как эта братва резвилась дальше: четыре дня спустя, 18 августа, все тот же неотчаивающийся Филин, не удовлетворившись тем, что после моего объяснения прокуратура не сочла достаточными утверждения инспектора Герасимовой для возбуждения против меня уголовного дела в связи с моей мифической угрозой повесить горисполкомовца Никанорова, — настроил на меня еще письмо, но уже прокурору Ленинграда. (Т. 12, л. д. 72).

Назавтра, 19 августа, решили внести свою лепту инженер райжилуправления горисполкома Ширшанович и участковый капитан Иванов. Они взломали двери в мою комнату, так как согласно оставленному ими акту к их приходу меня дома не оказалось. Сделав то, что им было нужно, в моих помещениях, что именно — до сего дня для меня загадка — они

забили дверь гвоздями (шли-то подготовленными, знали значит, куда и зачем идут — инструментики прихватили!), а на дверь нацепили вышеозначенный акт о взломе. Какая полицейская изящность! Не взломщики, а сама деликатность!

Документ обнаружен при обыске, см. протокол от 4/XI - 60 года, пункт № 2.

Помимо всего прочего, мои преследователи, помогая друг другу, снова полным ходом готовили материалы на выселение меня из Ленинграда, заодно затягивая слушание дела о восстановлении меня на работе в нарсуде.

Для успеха их предприятия я должен был оставаться «тунеядцем» во что бы то ни стало, иначе их дело снова лопалось. А на случай, если с помощью рабочих цеха мне снова, как и в прошлый раз, удастся восстановиться на работу, первое решение суда о моем восстановлении спешно подвергалось ревизии в надзорном порядке «по вновь открывшимся обстоятельствам» при помощи провокатора Фроловой.

10 сентября оперуполномоченный Пушкинского отдела милиции, капитан Демидов, вынес наконец постановление о прекращении ранее начатого уголовного дела, давшего им, однако, возможность буквально затаскать меня на допросы и очные ставки и заодно взять подписку о невыезде из Ленинграда. *Гора расследований не родила даже мыши.*

А вся суть в том, что уехать я действительно хотел, но этот вариант местную администрацию не устраивал, меня надо было обязательно выселить и дом отобрать, а без моего присутствия это было бы невозможно. Для этого и уголовное дело было изобретено и подписка о невыезде, державшая меня на привязи.

Вот кусочек из приобщенного следствием к материалам дела моего письма к сыну этого периода:

«15 сентября — ...только в этом году у меня было 13 судов по первой инстанции и 5 судов по второй

инстанции, две экспертизы... неделю тому назад с меня взяли подписку о невыезде из Ленинграда в связи с уголовным делом, которое возбудил против меня Пушкинский райотдел милиции... одновременно с этим у прокурора Ленинграда находятся материалы, следствием которых явилось то, что у меня уже проводили обыск, дважды арестовывали... проводится слежка не только за мной, но и за моими знакомыми... Елисейев готовит еще один общественный суд для выселения меня из Ленинграда, и только вмешательство прокурора, который обещал Елисейеву, что я буду осужден в ближайшее время в судебном порядке, предотвратил пока это суд». (Т. 12, л. д. 89-90).

Машина, как можно видеть, работала полным ходом.

25 сентября Пушкинский нарсуд начал рассматривать дело № 2-11-48 о возвращении мне моих детей. Но на полдороге вдруг остановился — больно уж много за меня пришло свидетелей. Кроме того, свидетелями в судебном заседании были разоблачены неблагоприятные действия представителей Пушкинского горисполкома, принимавших самое непосредственное участие в деле, будто у них самих я отнимал своих детей.

Так, например, представитель Пушкинского горисполкома Никаноров, как сообщила суду заведующая детсадом Дзержинского района города Ленинграда Колоколова, где воспитывалась моя дочь Лиза:

«...извратил смысл нашей беседы и в посланном суду заключении... очернил отца девочки».

«...суд введен инспектором Никаноровым в заблуждение», — дополнила она дальше свои показания (См. л. д. 224).

Другой свидетель рассказал суду: «Никаноров угрожал мне сказать суду, что я голый спал с Макаренко в одной кровати...» (Т. 1 л. д. 294).

Даже прокурор Сухарев, участвующий в деле, был вынужден при таких обстоятельствах потребовать

отстранения Никанорова и проведения нового расследования обстоятельств дела. (Т. 1 л. д. 121-124).

Народный суд вынес определение, в котором Исполкому предлагалось назначить другого своего представителя и провести дополнительное обследование. (Т. 1, л. д. 121-124).

Но не тут-то было.

Но как раз выяснением обстоятельств исполком и не собирался заниматься. Извратить суть фактов — неугодные факты отбросить или вывернуть наизнанку — такова была его цель.

Поэтому месяц спустя, 25 октября было назначено новое рассмотрение дела. Весь состав суда был заменен. Представлять интересы исполкома вновь был назначен Никаноров. Никакого нового обследования проведено не было. Началось недвусмысленное избивание меня и, конечно же, моих детей.

От допроса моих свидетелей, вновь пришедших в судебное заседание, суд воздержался. Мой адвокат перед началом судебного заседания вдруг отказался участвовать в процессе...

В заседании выступили профессионалы-провокаторы: уже изобличенный Никаноров, представители завода — Иванов, парторг, и начальник железнодорожного цеха Комиссаров, прошлогодними воспоминаниями поделилась врач Фролова. При таких обстоятельствах решение суда не вызывало сомнений. Жернова правосудия сработали безотказно. Но через две недели, 12 ноября, нарсуд Невского района восстановил меня, наконец, на работе (после 4 месяцев проволочек) и вновь оплатил вынужденный прогул только за 20 дней.

А администрация завода компенсировала себе эту неудачу переводом меня на более низкооплачиваемую работу на 3 месяца!

Но и этого ей показалось мало, и вот в день Советской Конституции, 5 декабря 1964 года, в ленинградской газете появился клеветон, в котором ревизовались и решения суда о моем восстановле-

нии, и решение Пушкинской милиции, прекратившей уголовное дело, и заодно было вылито на меня несколько ушатов обычной грязи самого гнусного свойства. (Т. 11, л. д. 135).

Еще четыре дня спустя, 9 декабря, затягивая закинутую мне на шею прессой удавку, Пушкинский горисполком послал Ленгорсуду подстрекательское и клеветническое письмо присущего Исполкому свойства, на 4 листах машинописного текста. А писать они умеют так, что их произведения вполне пригодны для журнала «Крокодил», ведущего рубрику «Нарочно не придумаешь». (Т. 12, л. д. 50).

21 декабря — отчаявшаяся настоять на своем и избавиться от меня администрация завода, которую я травмировал уже своим приходом на работу и которой, в меру своих сил, я мешал беспрепятственно резвиться, — придумала самый оригинальный свой «ход» — расформировала весь железнодорожный цех и перевела его в полном составе за 120 километров в Приветнинское карьероуправление.

Дескать, теперь посмотрим, захочет ли кто в нем работать. Обязательства, принятые мною перед коллективом цеха, обязывали меня продолжать работать в этом же цехе, и я остался. Еще полгода я ездил на работу за 120 километров от Ленинграда.

Но и всего предыдущего показалось мало этим недочеловекам, и они решили соразмерить возмездие с нанесенным оскорблением.

Была сфабрикована так называемая «характеристика» — волчий билет, которую они даже теперь, 6 лет спустя, с удовольствием размножают и рассылают по первому требованию всем желающим знать их просвещенное мнение обо мне. Они хорошо знают, что человек, оговоренный характеристикой, апеллировать никуда не может. Ни обжалования, ни протеста здесь быть не может, это как из-за угла кривым ружьем, это так называемое мнение «треугольника» — дирекции, партийной и профсоюзной организаций.

Недостаток места и времени позволяет поместить только 1/6 часть этого человеконенавистнического документа эпохи:

«Хершкович зарекомендовал себя с крайне отрицательной стороны как яркий прогульщик, фальсификатор, лодырь, кляузник, клеветник, способен на любой обман и подлость, дезорганизатор производства... разлагающе действует на весь коллектив завода... вымогатель, аморальный и нечестный человек... Уволен за прогул, но восстановлен нарсудом... Неоднократно совершал прогулы, но представлял различные (!!!) медицинские документы... Был уволен за прогул, но вновь восстановлен судом при крайне странных обстоятельствах, после чего нами переведен на более низкооплачиваемую работу на 3 месяца... На собраниях рабочих пытался дезорганизовать работу цеха и завода, призывал к сопротивлению предпринимаемым администрацией завода и партийно-общественными организациями мерам (будучи во главе забастовки железнодорожного цеха)... Зато штрафы платил по 6 исполнительным листам... Жил на частной квартире!.. Занимался шантажом администрации завода!.. От имени председателя цехкома вызывал санитарного врача, направлял клеветнические заявления на администрацию завода в облсовпроф* и другие органы и газеты... В общественной жизни завода не участвовал... в члены профсоюза вступил, так как это выгодно при оплате больничных листов... на приказах администрации писал угрозы директору завода!..»

И так далее, с нагнетением интонации в том же духе 6 листов машинописного текста. (Т. 11, л. д. 131-136).

Это отсутствие представления о дозволенном и недозволенном — самое яркое свидетельство о человеческом уровне многих тысяч таких же, как они, недочеловеков. Они ничего не производят, но в силу

* Областной совет профессиональных союзов. — Р е д.

сложившихся отношений, именуемых «социалистическими», у них есть право и досуг.

Первое дает им возможность неограниченного вмешательства в дела каждого, кто окажется в их руках; второе — позволяет разнообразить это право на античеловеческие действия до бесконечности. Суть же этих мер одна: строптивых, да и просто неудобных убивать по мелочам и вне правовой системы, ибо теперь настали новые, более утонченные «демократические» времена в духе отца Лойолы.

Теперь не расстреливают. Теперь мучают. Сломить, гнуть всю жизнь, гнуть пока человек не станет тих и молчалив, не перестанет реагировать на окружающее, — вот цель этих иезуитских мер.

Воплотившись в «характеристики», все эти бездоказательности, все эти небывшие действия и извращения становятся питательной средой для новых преследований, поскольку характеристики по традиции пользуются в нашем обществе правами доказанных истин и незыблемых аксиом, и, как правило, являются основой для следственных и судебных выводов о человеческой личности.

Это волчий билет социалистического XX века. Он ходит за человеком всю жизнь, до гроба, и гонители это отлично знают. Знают, что человек погибнет медленно, но верно.

Но таковы законы классовой борьбы, таков государственный быт нашего социалистического государства!

Так прошли мои первые 25 лет в Социалистических Республиках Советского Союза.

1965 год

Тем временем я произвел, наконец, обмен выделенной мне судом вместо моего дома жилплощади в досточтимом Пушкинском районе города Ленинграда на жилплощадь в самом Ленинграде и полагал, что распростился с этим проклятым местечком. Да не тут-то было.

5 января — ночью — нагрянула милиция и, поскольку не могу подобрать другого слова, скажу прямо — вышвырнула меня со всеми моими вещами на мороз. И так, как мы видели из предыдущего и как мы увидим из дальнейшего, новогодние выбрасывания меня на улицу с вещичками постепенно стали для меня доброй традицией.

Здесь я должен сделать одно маленькое отступление и сказать: я глубоко уважаю Комитет государственной безопасности, как основное ядро нашей любимой партии, но вынужден высказаться об одном нехарактерном, но еще встречающемся ее отпрыске.

Оказалось, что поменявшийся со мной жильем раздумал. Как поступают обычные люди — всем известно. Но мой обменщик оказался майором госбезопасности. И вот, 2 месяца спустя после совершенного нами обмена, он таким оригинальным путем возвратился на свою бывшую жилплощадь — предварительно испортив систему отопления и водопровода на моей жилплощади, так как выехав, он в 40-градусный мороз оставил открытыми все двери дома! Я понимаю теперь, что ничего необычного в его действиях не было, — он действовал по инерции. Впоследствии оказалось, что он еще и член Петроградского райкома КПСС!

А выяснилось это следующим образом. Когда в нарсуде Петроградского района рассматривался мой иск о возмещении причиненного ущерба имуществу, и государственный майор увидел, что ему придется уплатить что-то около 800 рублей, — история повторилась. Он куда-то вышел из зала судебного заседания, как потом оказалось — только позвонить, и вот в зал врываются милиционеры, шепчутся с судьей и арестовывают меня во время процесса.

Правда, мне дали возможность попрощаться с близкими, поставив мне условием, чтобы я подписал с майором «мировое» соглашение... с отказом от всех требований...

Ничего не говоря о причинах ареста, меня продержали 2 суток в КПЗ* Петроградского райотдела милиции и почти ночью выпустили, заверив, что это была шутка и что исполнена она была при содействии райкома, который не мог отказать в таком пустяке своему майору!

Тем временем Пушкинский горисполком, от лап которого я чуть было не ускользнул, радостный по поводу моего возвращения в родные пенаты, срочно откомандировал в Москву своего представителя в Московский университет. Он должен был для предстоящих баталей собрать все имеющиеся обо мне сведения в университете и снять копии со всех документов в моем личном деле.

Деканат, как и в 1963 году, с готовностью предоставил ему эту возможность и ничем не подвел Пушкинский горисполком. И на этот раз цель исполкома деканату была сообщена: документы подбирались для лишения меня родительских прав.

Но и подобного рода сотрудничество не смогло шокировать университетских просветителей.

29 января — университет снабдил исполком копиями со всех моих документов на 21 листе, вплоть до сочинения по литературе на вступительных экзаменах о крестьянских войнах в эпоху Екатерины II — обнаружив симпатичное и обнадеживающее родство душ с Пушкинским исполкомом. (Т. 11, л. д. 254).

Я же тем временем, не предполагая столь глубокой конфронтации с исполкомом, систематически добивался разрешения на свидание со своими детьми и так же систематически получал бумаги с казуистическими ответами, достойными публикации как классика бюрократического формализма и иезуитства.

Но важен результат. Вот он:

18 апреля детей привели в Куйбышевский райисполком города Ленинграда и девочки, которым тог-

* Камера предварительного заключения. — Р е д.

да было 6 и 9 лет, сделали заявление инспектору по охране детства Лебедевой, во всяком случае она так утверждала, и я вполне могу, памятуя личный опыт, в это поверить, — что они не хотят меня видеть и просят их не беспокоить.

Получив такое интервью, инспектор охраны детства самым активным образом включилась в общий хоровод и принялась, совместно с остальными участниками канкана, охранять детство сданных в интернат на многие лета моих несчастных детей.

Это не репортаж из сумасшедшего дома, и это не события 1950-х годов. Документ, живописующий об этих педагогических успехах Куйбышевского исполкома города Ленинграда и обнаруженный у меня при обыске, датирован 18 апреля 1965 года. (См. протокол обыска, пункт № 12).

Доброе начало было положено, и вот пошла писать губерния. Через два дня, 20 апреля, администрация завода железнодорожных изделий, у которой я уже полгода не работал, не сочла за труд послать в Пушкинский народный суд развернутую характеристику на меня на 4 листах. Воистину, она решила всю мою остальную жизнь не упускать ни одного удобного случая заявить о своих милых симпатиях ко мне. (Т. 11, л. д. 131).

В этот же день работавший с ней в унисон Пушкинский исполком послал суду еще 5 листов грязи. (Т. 12, л. д. 50).

Кто наскреб больше — трудно сказать: но антисемитские выверты и метафоры горисполкомовской характеристики выгодно ее отличают от характеристики железобетонцев, пресной и тусклой и представляющей собой скучное перечисление всех им известных отрицательных эпитетов, нагроможденных один на другой.

При разумном расходовании этих литературных средств с лихвой достало бы на то, чтобы охарактеризовать личный состав 2-3 штрафных батальонов.

Что касается мотивов этого безудержного недержания злобы — они предельно обнажены — все они, конечно, политического характера.

Но кто не содрогнется перед следующим фактом: я упорно продолжал работать плотником в Приветнинском карьероуправлении в составе переведенного туда железнодорожного цеха. И вот, во время моих дежурств начали случаться происшествия, в результате которых, по мнению специалистов, могла бы произойти катастрофа при встрече во время движения состава с идущими на больших скоростях пассажирскими электропоездами Ленинград-Финляндской железной дороги.

Дело в том, что крюки бортов вагонов, груженных песком и щебнем, начали оказываться приоткрытыми настолько, что легко могли бы сами открыться во время движения поезда. Весь цех стал доставать для меня проволоку, рубить ее и помогать мне в увязке всех крюков. Ту же операцию приходилось делать после каждой разгрузки эшелона. Тогда «неизвестные» начали пользоваться кувалдой, открывая борта на полустанках... Догадаться было нетрудно, что это дурачится железобетонная администрация завода, которая, откровенно говоря, чем-то даже симпатична своим упорством.

Само по себе, значение этих фактов, конечно, бледно. Но когда вы сами присутствуете в качестве зрителя и жертвы — они обретают яркие запоминающиеся краски. Совсем разные вещи: услышать о том, что кого-то прирезали, и самому испытать, как это происходит.

Но для этого, собственно, и содержится саранча наших общественных организаций, чтобы стеречь монополию на управление общественным сознанием работающего человека, чтобы не дать ему ускользнуть из-под этого пресса и не допустить ни малейшего покушения на эту монополию кого бы то ни было. Покушение на эту монополию вызывает у всей

своры страх смертельного напряжения и немедленную карательную реакцию всего этого аппарата.

И вот, чтобы положить наконец всему предел «на законном основании», три недели спустя после поступления кипы клеветнического материала от завода и исполкома — 11 мая — Пушкинский суд вынес, наконец, долгожданное решение, в котором, в частности, говорится:

«...все дети, так же как и сам ответчик Хершкович, после длительного отсутствия не проживают на спорной жилплощади более одного года». (Дело 2-480-65 г. См. протокол обыска п. 12).

Этим самым я лишился права на жилплощадь, ибо, как известно, непроживание свыше 6 месяцев на своей жилплощади дает законное право соответствующим органам на выселение с нее. Это решение позволяло также вышвырнуть меня из Ленинграда, оно открывало зеленую улицу истомившемуся Елисееву, «общественности» и Пушкинскому исполкому, которые, конечно, рванулись с новой силой и кинулись на абордаж. А чтобы не получилось срыва и на этот раз, Приветнинское карьероуправление 15 мая уволило меня «по сокращению штатов». В таких случаях и обращаться некуда. Они просто сократились на одну единицу и продолжали счастливо жить, взяв вместо меня через неделю другого человека. Этот приемчик неотразим. Это удар наверняка.

Таким образом, я в два счета стал и нигде не проживающим бродягой, потерявшим право на жилплощадь, и уже 6-й день нигде не работающим «тунеядцем» — ко дню рассмотрения дела в суде. Комитет госбезопасности приобщи́л к делу одно из писем того времени, где я писал сыну:

«...в настоящее время я хотя и делаю все возможное, но готов к тому, что скоро я и сам буду нуждаться в получении передач и писем со стороны. И это тем более вероятно, что возбудил против себя и руководство завода, и Пушкинский горисполком, и

милицию, и сельсовет, которые все вместе спят и видят, как бы меня упрятать...» (См. т. 12, л. д. 90).

Браво, юстиция!

Но для завершения этой долгожданной операции — им оставалась еще самая малость: поймать меня в огромном Ленинграде и лишь тогда свои желания осуществить. Но для этого-то и существуют частные комнаты, которые можно менять каждый месяц, и тогда — попробуй, поймай пересмешника!

Я же не терял времени и поступил на работу.

11 июня — в трест «Ленреклама», декоратором 7 разряда, где стал главным оформителем витрин Невского проспекта и, таким образом, вновь испортил всю диспозицию родному исполкому и присным, а постепенно и вовсе свел на нет их доблестные усилия по отобранию жилплощади и выселению из Ленинграда.

Но и исполкомовские душевредители не преминули по этому случаю опустить свои перья в желчь и накатать на меня очередную кляuzu, которую они направили в редакцию ленинградской газеты 15 июля на 51 листе машинописного текста! (Т. 12, л. д. 50).

Браво, Советы депутатов трудового народа!

Давно известно, что одно из главнейших условий злобы и ненависти состоит в том, что приходится распускать всякую ложь о предмете своей ненависти, и верить в эту ложь, чтобы быть последовательным. Этого условия исполком придерживался неукоснительно.

Уверенным, твердым шагом и дружной оравой шли они к новым свершениям.

Я убедился, что каждый раз, когда становится туговат, спускается с цепи наша социалистическая пресса. А согласно нашему социалистическому законодательству, любое ее клеветническое выступление является основанием, обязывающим нашу социалистическую прокуратуру возбудить уголовное пресле-

дование против оклеветанного*. И последствия в таких случаях не вызывают сомнений.

А тем временем меня снова выловила психиатрическая медицина, но на этот, как меня предупредили, — последний раз, я был ими подвергнут «всего лишь» амбулаторному обследованию.

По-видимому, невозникновение у меня психических расстройств в результате примененного ко мне комбинированного метода воздействия вызывало у нее искреннее недоумение, и она от души выражала сожаление, что в связи с этим меня придется подвергнуть лечению, с тем чтобы подвергнуть мутации мои неподдающиеся гены.

В связи с отсутствием психических нарушений история болезни, как в таких случаях и принято, не заводилась. (Т. 11, л. д. 183).

Что, собственно, естественно, так как ее вполне заменяет иная «история болезни», немедицинского происхождения, не подлежащая регистрации и хранению в медицинских органах, и из которой медицина не дает архивных справок.

Однако вся пикантность наших психиатрических взаимоотношений состояла в том, что я, живя под постоянной угрозой быть на каком-то этапе помещенным в сумасшедший дом для превращения в умалишенного, что является обыденной у нас практикой, еще в мае 1964 года, в превентивных целях, добился освидетельствования самого себя под надуманным предлогом в Московском научно-исследовательском институте психиатрии (ул. Потешная, д. 3) по направлению, которое мне помогли получить мои московские друзья из Главного управления лечебно-профилактических учреждений Министерства здравоохранения РСФСР.

А документик о том, что я психически здоров, я получил на руки. (Т. 11, л. д. 181).

* Ст. 108 УПК РСФСР — Поводы и основания к возбуждению уголовного дела

...4) статьи, заметки и письма, опубликованные в печати.

С него я снял с десятков копий и этим цинично шокировал ленинградских эскулапов. «А вдруг у него там рука», — по-видимому, думали они во время своих малоэстетичных сеансов во вкусе фон Гейдриха, именуемых в нашем обиходе «амбулаторным обследованием».

И тем не менее, хотя я и не позволял умертвить себя булавочными уколами общественно-медико-административного воздействия, но и столь быстро наносимые организованные удары лишали меня возможности отвечать на каждый в отдельности, тем более, что по правилам этой игры, в отличие от них, я мог пользоваться только дозволенными приемами.

Тогда я подал в суд на опубликовавшую омерзительный фельетон в день Советской Конституции (а ведь они начисто лишены чувства юмора!) газету. Больше, конечно, любопытствуя, чем это могло бы кончиться.

И вот, около двух лет Куйбышевский народный, конечно, суд перекидывался моим иском от одного судьи к другому, ища ему «пятый угол». Сменилось пять судей, каждый из которых в процессе подготовки дела к слушанию выносил какие-то загадочные определения, цель которых была одна — задержать рассмотрение дела до греческих календ.

Оно, наконец, решилось само собой — измором.

Осенью 1965 года я наконец вырвался из города-героя и уехал в Сибирь, не предполагая когда-нибудь вернуться в это осиное гнездо. Нетерпимость, жестокость, насилие, тихие формы дискриминации, силовые административные и медицинские меры, невиданное нравственное растление и попрание всего святого — все это, как мне тогда казалось, навсегда осталось позади.

Впереди была новая жизнь, новый мир — наш день завтрашний, воплотившийся сегодня в Новосибирском научном центре АН СССР, куда я был приглашен Президиумом Сибирского отделения Академии наук СССР возглавить создаваемую на общест-

венных началах картинную галерею Сибирского отделения АН СССР (Т. 3, л. д. 52; т. I, л. д. 17 и 97).

В нашем государстве исторически сложилось такое положение, когда целые направления в изобразительном искусстве оказались изъятыми из законного культурного оборота и упрятаны в тюремные подвалы государственных музеев и галерей, что является одной из их основных просветительных функций в нашем обществе.

Таким принудительным образом была прервана преемственность как в показе, так и в развитии советского изобразительного искусства. Тысячи славных имен советских революционных художников, сделавших эпоху в искусстве, намеренно замалчивались раньше и замалчиваются и поныне, а их творческое наследие, зачастую известное всему миру, неизвестно даже нашим искусствоведам, как если бы его не было вообще. Советский музей еще может смириться с необходимостью показывать растленных французов вроде Пикассо, Ренуара, Сислея, Мане, Моне, Дега. Но никогда не допустит в свои стены их советские эквиваленты.

Да и вообще, в нашей стране на сегодняшний день нет ни одного музея современной советской живописи, начиная со времени ее летоисчисления — с 1917 года.

А ведь именно в эти годы советское изобразительное искусство совершило гигантский качественный скачок, ставший питательной почвой для основных направлений, существующих в современном изобразительном искусстве всего мира.

Но эти революционные художники, их творения и даже их имена преследовались, избивались и предавались мечу и огню как в переносном, так и в самом прямом, непереносном смысле.

Реабилитация 1960-х годов изобразительного искусства не коснулась. И мне хотелось создать такую галерею, которая была бы независима от удушающих все живое лап так называемого Министерства

культуры. Галерею, управляемую на общественных началах и действующую на полной самоокупаемости — за счет доходов от своей непосредственной просветительской деятельности, без обязывающих пут материальной дотации государства либо общественных организаций. Хотелось создать возможность настоящим художникам обрести своего сознательного зрителя и дать возможность общаться с ним, реабилитировать многих наших титанов, создать галерею, куда можно было бы закрыть доступ традиционному, мертвому официальному искусству, галерею, в которой могла бы показать свои искания молодежь, галерею, которая не перескакивала бы через неудобных, через целые направления и школы.

Главное, хотелось приобщить к искусству детей, хотелось построить всю работу в расчете не на средне-дурашливого зрителя, то есть помесь запуганного обывателя с филистером из наших общественных организаций, для которых что живопись, что домино — один хрен, лишь бы во что-нибудь играть и время провести, хотя последнее все же предпочтительнее.

Хотелось создать сознательную аудиторию, воспитать ее, создать аудиторию требовательную, молодую, но понимающую, грамотную. Аудиторию зрителей, которая подталкивала бы художника, отзывалась бы на все бурно, заинтересованно, которая сопереживала бы с художником и понимала бы его. Создать зрительный авангард, знающий искусство и умеющий полемизировать на основе своего знания как с художниками, так и между собой.

Кроме того, хотелось дать возможность сотням отверженных, которые сегодня на грани моральной измены обществу, и будучи им отвергнуты, готовы предложить свою творческую мысль нашим классовым врагам из-за куска хлеба, — дать им возможность обрести себя и свою аудиторию здесь, а не там.

Уместно в связи со сказанным привести частичку из моих показаний, данных в ходе следствия Комитету гос. безопасности:

Т. 12, л. д. 185: «...всякая личность, а художник особенно, не может развиваться без поощрения общества, а в условиях нашего общества, художник вне Союза художников — попросту человек вне общества. Это привело к тому, что, не находя поддержки, не находя применения своему труду, не встречая понимания внутри нашего общества, эта огромная масса отверженных изгоев ищет, а точнее, увидела себя вынужденной искать поддержки вне рамок нашего общества, то есть, ну конечно же, где еще, как не у наших классовых врагов, наводящих к нам и мосты и туннели?»

Таким образом, против своего желания они в своем большинстве стали объектом отеческой заботы Запада, который, не в пример нашему импотентному Министерству культуры и Союзу художников, поспешает и сам на сближение. Художники таким образом стали объектом международных спекуляций и просто спекуляций».

Л. д. 186: «...а свято место, как известно, пусто не бывает. И вот, когда позиции, которые должны были занимать и удерживать Союз художников и Министерство культуры, были ими покинуты просто так, без боя, ради большего спокойствия и, по-видимому, с благой целью выравнивания своих рядов под одну гребенку, что в области культуры особенно похвально, их, эти позиции, немедленно заняли те, о которых принято у нас говорить, что они наши классовые враги. И поскольку они, эти враги, платят, то они, естественно, и музыку заказывают. А в некоторых случаях уже и не заказывают, ибо многие художники сами, наперед, ориентируются не на повернувшееся тылом моногамное Министерство культуры, а на реального покупателя, на иную аудиторию, на иные потусторонние нравственные начала и моду, на откровенный скандал. И преуспевают! С молча-

ливого, конечно, согласия Министерства культуры. Ибо считается, что если оно знает об этом и не препятствует, значит оно дает свое согласие. А оно, конечно же, знает!

Так под воздействием жизненных условий формируется сознание, взгляды работников культуры. Так их сознание, сформировавшись, само уже становится одним из факторов их и нашей жизни... Сегодня многие деятели искусств вынуждены работать скрываясь. Они покупают покой и возможность работать уклончивостью, лукавством, скудостью, постоянным притворством, сжимаясь и обуздывая себя, что постепенно перешло у них в кровь и мозг и даже в потомстве делается физиологическим признаком личности... Много и таких, все общественное положение которых является неправдой. Они лгут каждой своей работой, лгут всю свою творческую жизнь, лгут громко и всенародно. Они знают, что эта их ложь и другим известна, но они лгут сознательно и обдуманно».

Л. д. 187: «Они имеют два моральных кодекса. Один, настоящий, они скрывают. Другой, фальшивый, они выставляют напоказ для официальных нужд... и если верно то, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от них не зависящие отношения» (Маркс), то верно, по-видимому, и то, что под воздействием этих не зависящих от них материальных жизненных условий и отношений у людей формируется сознание и определенная идеология — система взглядов. Ибо их реальное бытие определяет их настоящее сознание, настоящие взгляды, а не те, что выставляются ими напоказ... А однажды сложившись, оно, это сознание, становится уже весьма существенным фактором, двигателем или тормозом, воздействующим на нашу жизнь.

Еще горше видеть, что они, эти новые формы общественного сознания, проглядывают и кажут зубы не только в сфере изобразительного искусства, отра-

жая новые, нарождающиеся в нашем обществе структуры. К сожалению, об этом еще нет слов, молчание и молчание. Но слух и чутье заставляют осторожно относиться к этому складывающемуся из неясных очертаний и разрозненных стремлений новому общественному климату... А в это время разные паломники активно прикладываются к нашему искусству, пользуясь предоставленными им практически неограниченными возможностями маневра. Одни из них выкупают так называемые «идейно-вредные» произведения наших художников и организуют за рубежом антисоветские выставки с широкой подачей и соответствующим сопроводительным гарниром, что льстит самолюбию некоторых художников, но зато этим систематически и наглядно дискредитируется наше общество. Этим на деле и весьма действительно способствуют разжиганию антисоветских настроений.

Но это могут быть и не обязательно выставки антисоветского характера. Зачастую это выставки произведений тех русских художников, которые оказались загнанными в подполье, но своим искусством прославили наш народ... У нас принято, чтобы крупные русские художники умирали, не дождавшись при жизни персональной выставки, или хотя бы минимального, соответствующего их таланту и труду признания...

Многие из этих художников не идут на сделки со своей совестью, не отождествляют переменчивое Министерство культуры и Союз художников с советской властью, хранят свое творчество и от их рук, и от чужих — до лучших времен... Но даже по их смерти, даже несмотря на завещание многими из них своего наследия государству и отчаянные попытки их душеприказчиков впихнуть музеям бесхозные произведения задаром и на выбор, — они встречают отказ. Интерес к ним, как показывает опыт, возникает только тогда, когда эти произведения оказываются в чужих руках. Только тогда они

становятся привлекательными. Но когда оно, брошенное, оказывается в чужих руках, его интенсивно используют против нас, и используют довольно-таки умело.

Наше Министерство культуры слишком уж часто предпочитает помещать своих ведомственных блох под микроскоп и показывать их в увеличенном виде, а мастеров экстра-класса, мастеров, поразивших и восхитивших культурный мир своим новаторским творчеством, оно умышленно десятилетиями помещает под уменьшительное стекло, а это, согласитесь, мало смешно.

В ущерб нашему престижу, кстати, пустой звук все для того же Министерства культуры, на Западе впервые экспонируются на выставках произведения величайших русских художников, еще неизвестных у себя на родине, ибо для нашего министерства все, что не красное, с его точки зрения, обязательно черное.

Только за последнее десятилетие Запад «открыл» нам наглухо «закрытых» у нас десятки гигантов нашего изобразительного искусства... Другие паломники делают бизнес на том, что скупают по бросовым ценам и вывозят произведения талантливейших молодых художников — делают им имя на Западе и стригут купоны...»

Л. д. 189: «В самом деле, где в наших копиях можно получить прибыль 15-20 тысяч процентов на вложенный капитал? Только русское изобразительное искусство дает такую прибыль...

А окажите художнику хоть малейшее внимание — и он отдаст вам свои картины за полцены, задарма, лишь бы он имел возможность их показать своему зрителю. Но у него этой возможности нет. На его пути стальные ряды штыков Министерства и Союза, и небезопасного нашего Комитета, интересующегося культурой больше, чем шпионажем и валютой. На его пути организованная инквизиция...

...третьи вывозят ценнейшие и никогда уже не восстановимые произведения старины и реликвии советского народа, а главное, произведения талантливых мастеров первых лет советской власти — дорожке которых, кстати сказать, разве что само золото, да и то не всегда. Ко всему вышеизложенному существует много различных подходов и подходцев».

Л. д. 193: «...но есть еще и такой подход, при котором сообразуются с высшими интересами общества (в отличие от узковедомственных интересов Министерства культуры и групповых — Союза художников).

В самом деле, можно ли предположить, что в интересах общества и подавляющего его большинства и, следовательно, класса этого большинства, то есть рабочего класса, положить хоть какой-нибудь предел этому вышеописанному положению? Да, необходимость этого очевидна. А следовательно, это прямая обязанность, долг Министерства культуры и Союза художников.

Выполняют ли они, и как, этот свой долг? Многолетняя практика показала, что нет, не выполняют, и от этого им ничуть не хуже живется...

...А ведь эти нерешенные вопросы вопиют о себе, бьют в глаза каждому, кто хоть малость с ними соприкасался, если, конечно, он еще не застыл в своем карьеристском благополучии. Ими мучаются тысячи наших людей, и, тем не менее, о них не говорят, их упорно замалчивают, не решают никак, берут художников измором, и каждый из них сам, в своей юдоли, ищет их решение на свой риск и страх, в одиночку. А теперь уже и не в одиночку, ибо вне Союза художников появились группки, школы и т. д.; художники объединяются и сопротивляются.

Таким образом, анализ со всей очевидностью показал, что внутриведомственные интересы Министерства культуры вступили в противоречие с интересами общества. Такова логика. «Настоящие художники, как показала практика, не могут черпать вдох-

новения из так называемых «тематических списков», которые распространяются Союзом художников. Несколько слов, кстати говоря, об этих списках. Они висят в проходах и на лестничных клетках, доступны обозрению любого мимо проходящего, даже идущих на выставки зрителей. Это, как правило, 8-10 листов машинописного текста — слева название требующейся картины, справа — цена в десятках тысяч рублей, посередке точно заданный размер, не только в метрах, но и в сантиметрах. В своем большинстве предлагаемая тематика столь кощунственна, что даже посвященные в эту фабрику-кухню содрогаются от омерзения, так неприкрыт цинизм, равный разве что только тупоумию авторов этих «тематических списков». Трудно придумать более наглядное подтверждение, более яркую иллюстрацию ко всем худшим утверждениям западной пропаганды по поводу свободы творчества в нашей свободной стране. Трудно представить себе более компрометирующую, более антисоветскую выходку в стенах советского творческого союза...!»

«...Но где же выход? И будет ли при таком положении вещей разумным и справедливым способствовать изменению создавшегося положения?» — вопрошал я себя...

Л. д. 194: «Можно было бы написать еще одно письмо в ЦК КПСС — для успокоения совести, но я уже знал к тому времени, что это равносильно что выбрасывать их в мусоропровод, да еще и подвергать себя неисчислимым бедам...»

«...и вот, принимая во внимание все «про» и все «контра», вытекавшие из призывов и решений XXIII съезда КПСС, которые я все еще принимал за чистую монету, и которые, как мне тогда показалось, давали ясный ответ на мой вопрос, я пришел к выводу о необходимости создания на отшибе, подальше от культурных центров, картинной галереи на общественных началах, как это съездом словесно и поощрялось в его резолюциях, а работу этой галереи по-

строить на новой основе с тем, чтобы и не пользоваться обязывающими и удушающими государственными дотациями и руководствоваться в ее деятельности соображениями подлинной общественной целесообразности... поскольку справедливо было бы рассматривать мерилom того, что является высшим интересом общества, интересы большинства, государства, а не отдельных закосневших ведомств».

Всякое новое дело начинается с первого шага, и кто-нибудь да должен попытаться его сделать. Эту попытку Родионов Слава и я и осуществили, наперед не предполагая, что отделаемся без ушибов.

Словом, хотелось хоть пядь советской земли в далекой Сибири приобщить к настоящему искусству, сделать его необходимым для людей, сделать повседневной потребностью.

Пусть бы они шли немного впереди зрительской массы в целом, пусть бы к ним подтягивались те, кто любит или хочет понимать искусство. И пусть бы эта зрительская аудитория научилась отличать искусство от мертвящего принудительного ассортимента, который отображает и то, и се, но искусством не является.

Что касается другой нашей задачи, о ней сказано в показаниях партийных руководителей из Сибирского отделения АН СССР Чусовитина и Немировского.

Члены бюро РК КПСС, директор дома ученых и член Совета дома ученых СО* АН СССР Чусовитин дал следующие показания КГБ: «...Макаренко обосновал перед советом академиков свои предложения о проведении выставок бывших репрессированных или эмигрировавших художников — сообразуя их с настоящей политической оценкой этих лиц...» (Т. 6, л. д. 4).

Член совета дома ученых и Коллегия по делам Картинной галереи СО АН СССР Немировский отметил в своих показаниях:

* Сибирское отделение. — Р е д.

«В практике работы как Коллегии, так и Совета дома ученых действительно зачастую решались вопросы о показе мастеров разных направлений и школ, показе сложных и серьезных произведений, причем исходили из вкусов и требований научной интеллигенции...» (Т. 3, л. д. 43).

Забегая вперед, можно сказать, что поставленный нами социальный эксперимент полностью удался. В маленьком, не насчитывающем и 15 000 человек, академгородке мы организовывали почти ежемесячно труднейшие для восприятия выставки, иногда по две в месяц, и зритель осаждал нашу галерею, в которой только в 10 часов вечера прекращалась продажа билетов, а в первом часу ночи силой охраны приходилось освобождать залы. Приобретение же билетов на организуемые нами диспуты, лекции, фильмы, выставки стало для нашего зрителя одной из повседневных и нелегко разрешимых проблем. Сама галерея стала предметом особой гордости и даже, чуть-чуть, хвастовства академгородковцев.

Но для того, чтобы зачать такую галерею, московский коллекционер Жигалко, 83 лет, и я передали в дар академгородку 2 300 произведений живописи 18-19 веков. (Т. 12, л. д. 182-207).

Поскольку Сибирское отделение АН СССР не имело даже средств на транспортировку этого дара в Сибирь, я и мой верный друг и помощник Слава Родионов упаковали, погрузили и за свой счет отправили в течение нескольких месяцев 3 контейнера живописи в Новосибирский академгородок. (Т. 14, л. д. 196-199, 299).

25 ноября Президиум Сибирского отделения АН СССР вынес постановление о приеме дара (Т. 11, л. д. 212).

Я вылетел в Сибирь, сделал дарственную и передал Комиссии поступившую живопись. Таким образом было положено начало первой в СССР картинной галерее современной советской живописи, ко-

торая была и первой галереей, создаваемой на общественных началах, без затрат государственных средств, и существовавшей три года.

1966 год

21 января Президиум СО АН СССР постановил организовать постоянную экспозицию картинной галереи во вновь построенном доме ученых академгородка. (Т. 11, л. д. 214).

1 февраля, проработав уже полгода без всякой зарплаты, я получил твердый оклад 72 рубля, и мне была выделена трехкомнатная квартира. Постепенно наш штат увеличился до двух человек. В июле 1967 года Слава Родионов, деливший со мной все невзгоды по созданию галереи, после того как он проработал более полугода без зарплаты, тоже стал получать половинную ставку в размере 40 рублей в месяц. (Т. 11, л. д. 223).

А к началу 1968 года штат галереи состоял уже из 8 человек: директор, экскурсовод, администратор, кассир, контролер, плотник, 2 охранника, с общим фондом зарплаты 560 рублей в месяц. (Т. 11, л. д. 215).

13 ноября картинную галерею посетил член Политбюро, председатель СМ* РСФСР Воронов. В декабре «Известия» дали скромную информацию о создании галереи.

Немного обосновавшись, в сентябре 1966 года я похитил из интерната свою младшую дочь Лизу и привез ее в Сибирь, где она стала учиться в школе. Со временем я должен был увезти и старшую девочку, но обстоятельства этому помешали.

В связи с тем, что целый сонм прокуроров и иных доброхотных блюстителей чужой нравственности кинулись ее у меня отнимать, была проведена проверка и серия допросов девочки, которой исполнилось уже 9 лет. Вот часть постановления Комиссии по делам несовершеннолетних академгородка:

* Совет министров. — Р е д.

«...проверив условия жизни девочки Макаренко Лизы, комиссия установила, что в данный момент девочка учится в 116 школе, учится хорошо, дома созданы все условия для нормальной жизни ребенка, а самое главное, Лиза не дает согласия на возвращение в интернат города Ленинграда.

Комиссия постановила: оставить Макаренко Лизу у ее отца Хершковича М. Я., создавшего необходимые условия для воспитания дочери» (Т. 14, л. д. 23-72),

1967 год

Чтобы кратко обрисовать нашу деятельность в 1966-67 годах, приведу часть кассационной жалобы, ранее посланной Верховному Суду РСФСР:

«Организация некоторых выставок по оценке, данной в печати, представляла определенную культурную ценность приоритетного характера. В печати это отмечалось как достижение в области пропаганды советских художников и их творчества...

...деятельность галереи разрасталась как снежный ком, и остановить ее я уже не мог. Ставшие привычными выставки, лекции, фильмы, диспуты, постоянная информация телевидения и информация в прессе, документальные фильмы, снятые в галерее Центральной студией документальных фильмов в Москве и студией «Экспортфильм», 80 зарубежных делегаций, посетивших галерею за период ее существования, успехи кино-фото-клуба при галерее, успехи детской художественной школы, выставки которой были показаны в разных городах и за рубежом; тысячи детей, студентов, воспитанников детдомов и школ-интернатов, учащихся ФЗУ и ремесленных училищ, для которых впервые в нашей стране доступ на все выставки, фильмы, лекции был бесплатным и которые осаждали нашу галерею; вернисажи, на которых присутствовали руководители Новосибирска и СО АН СССР — все это поддерживало

уверенность в том, что вопрос о нашей галерее будет решен, а наше вынужденное меценатство кончится.

С 1965 года, в связи с открытием картинной галереи в Сибирском научном центре и отсутствием у Президиума СО АН СССР возможности сразу же оформить наш юридический и финансовый статус, с тем чтобы мы могли расходовать те средства, которые в большом количестве поступали от нашей выставочной деятельности, встала проблема изыскания таких средств. В связи с этим, я и решил распродать оставшуюся у меня коллекцию и свои личные вещи, чтобы дать возможность галерее продержаться и зарекомендовать ее полезность и необходимость для городка ученых. Три года тщетно обращался я в Президиум СО АН СССР, к отдельным руководящим деятелям, в РК КПСС, в другие организации, с просьбой юридически оформить галерею. Мне это постоянно обещали, я надеялся на даваемые обещания, но юридически галерея так и не была оформлена, хотя все наши денежные поступления регулярно поступали от нас в государственный бюджет на протяжении трех лет существования».

Хотя галерея с первых же шагов своей деятельности продемонстрировала жизненную потребность и оправданность такой организационной формы музейной деятельности, за три года ни одна государственная либо общественная организация не истратила на Картинную галерею ни одного рубля.

Именно это и вынуждало меня продавать не только собранную мной за 10 лет коллекцию картин, но и свои домашние вещи — вплоть до одежды и посуды.

Это же обстоятельство побудило меня заняться реставрацией дворцовой мебели для наших советских миллионеров и фирмы «Новозэкспорт», которая перепродавала эти изделия моего художественного творчества за валюту. (Т. 5, л. д. 142. Кассационная жалоба т. 15).

Чтобы не сорвать ставшую культурной ценностью деятельность Картинной галереи, я стал интенсивно распродавать, и, как правило, за бесценок, наиболее дорогостоящие из открытых мной произведений крупных авторов моей коллекции. Только в 1967 году в Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина были проданы картины:

17 века — Рембрандт — за 980 рублей.

18 века — Тербуш Микеланджело Лысевского за 1500 рублей.

18 века — Тишбейна за 300 рублей.

18 века — Кюгельгена за 300 рублей.

16 века нидерландская школа за 500 рублей и т. д. (Т. 9, л. д. 174).

Музею Панорама Бородинской битвы в Москве — 126 портретов 19 века в рамках — за 126 рублей (по 1 рублю)... (Т. 9, л. д. 151).

Через комиссионный магазин я продал остальную часть своей коллекции, выручив за нее около 30 тысяч рублей, несмотря на страшные злоупотребления (Т. 8 и 9, квитанции).

Положительные рецензии о нашей деятельности были опубликованы газетами: «Советская Сибирь», «За науку в Сибири», «Учительская», «Комсомолец Кузбасса», «Молодость Сибири», «Советская Россия» и другими. (Т. 1, л. д. 43 п. 16).

Поступили поздравительные письма и телеграммы, в том числе от Павла Корина, Ильи Эренбурга, Даниила Гранина, академика Лихачева, В. Каверина, В. Кетлинской, Паустовского и других деятелей культуры, от музея Маяковского, Государственного Эрмитажа, Пражской Национальной лагереи, Национальной библиотеки Франции, музеев Мексики, США, Италии, Югославии.

Высокий уровень организуемых нами небывалых еще в СССР выставок побудил дать согласие на организацию в нашей галерее своих персональных выставок: Павла Корина, Марка Шагала, Натана Альтмана, Тышлера, Неизвестного и других. Нами были

осуществлены в 1967 году выставки: Фалька, Филонова, Гриневича, Лисицкого, молодых художников: Шемякина (ленинградца), курянина Бороздина, сибиряка Грицюка, 9-летнего выученика художественной школы академгородка — Игоря Сокола (См. «Правду» от 28 ноября 1969 г. и «Сов. Россию» за 1968 год).

В 1968 году готовились выставки: Ларионова, Кандинского, Б. Григорьева, В. Лебедева, Гончаровой, Малевича, Грабаря (ленинградского, не известного никому художника), Вейсберга, Коржева, Валюса.

В Новосибирском и Ленинградском проектных институтах готовились конкурсные проекты на комплекс зданий Дома молодежи для академгородка, при котором было предусмотрено строительство специального здания для картинной галереи. Это 22-этажный глухой цилиндр с пандусом, представляющий собой единый экспозиционный зал живописи и скульптуры, осмотр которых начинался с верхней точки, куда зрители доставляются лифтом. (Т. 12, л. д. 205).

Это строительство предполагалось осуществить только за счет средств, полученных картинной галереей от ее деятельности, и дохода, полученного молодежной фирмой «Факел».

Это организация, в которой были объединены студенты-старшекурсники и молодые ученые академгородка. Они в свободное от работы время занялись доводкой и внедрением изобретений и технических новшеств для предприятий Новосибирска и выполнили ряд оригинальных разработок для промышленности, что принесло молодежной фирме доход около 2,5 млн. рублей.

Для строительства комплекса зданий «Дом молодежи» был выделен земельный участок на берегу Обского моря у пересечения Морского проспекта и улицы Жемчужной.

Для комплектования фондов и создания будущей экспозиции картинной галереи ряд крупнейших со-

бирателей советской живописи 1920-х годов предполагали безвозмездно передать нам свои грандиозные коллекции. Много уникальных произведений предлагали отдельные коллекционеры и наследники погибших художников. Ряд произведений нами был уже получен в дар, в частности, произведения Фалька, Гриневича, Шемякина и других. Была реальная возможность собрать под одной крышей шедевры советского революционного искусства 1920-х годов и ныне здравствующих художников, без затраты государственных средств создать уникальную экспозицию из произведений, находящихся и поныне в разрозненном виде в частных руках. Это могла бы быть единственная в стране экспозиция произведений, наглядно демонстрирующая историю развития советского изобразительного искусства.

6 ноября Президиум Сибирского отделения АН СССР наградил меня почетной грамотой АН СССР.

7 ноября под открытым небом, на специально для этого построенном заборе длиной 450 погонных метров, была нами показана выставка «От Февраля к Октябрю», созданная из материалов моей коллекции: листовок, афиш, газет, прокламаций, фотографий и других документов и произведений живописи на историко-революционные темы 1917 - 1920 годов.

К сожалению, всего лишь 5 дней, несмотря на необыкновенно высокий интерес к выставке (что побуждало многих делать экспозиции в 30-градусный мороз до 2-3 часов ночи), обком партии города Новосибирска 11 ноября запретил ее дальнейший показ и распорядился немедленно демонтировать ее.

В декабре было получено окончательное согласие Марка Шагала на организацию его персональной выставки, его приезд в связи с этим в СССР и предоставление ряда произведений для показа на организуемой выставке. После организации его выставки он предполагал передать все принадлежавшие ему произведения Советскому Союзу — своей родине.

В этом же благословенном 1967 году, 26 июня, уплатив всего лишь 15 рублей госпошлины и не встретив ни малейшего противодействия, я переименовал в загсе академгородка милицейскую фамилию Хершкович на Макаренко.

В этом же году я сделал еще одну неудавшуюся попытку продвинуть вопрос о создании в нашей стране института по изучению комплекса проблем мирного сосуществования.

В июне я обратился с письмом в Президиум СО АН СССР, в котором предлагал создать в системе Сибирского отделения АН СССР, притом, на первых порах, на общественных началах, первый в нашей стране институт по изучению комплекса проблем мирного сосуществования государств. Я предлагал для начала ограничить его функции сбором существующей информации в этой области, но создать его к 50-летию советской власти. Из своих средств я предложил для его нужд 5 тысяч рублей. И хотя мое предложение не было принято, в том, что это все же жизненная проблема и в достаточной степени актуальная, пришлось убедиться в недавнее время: подобные проблемные институты созданы в ФРГ, США, Швеции. И это — знамение времени, решительно требующего строгого научного подхода к этой сложной проблеме, которую, еще недавно казалось, можно решать на глазок и даже на ура. (Т. 12, л. д. 206).

1968 год

Однако, одновременно с нашей успешной деятельностью, началась не менее успешная работа по тонкому пока, на первых порах, саботажу, которая постепенно приняла открытый и провокационный характер. Вот как КГБ характеризует отношение местных властей Новосибирска в картинной галерее: «...В 1968 году Новосибирский Обком КПСС признал деятельность картинной галереи СО АН СССР неправильно направленной». (Из секретного письма

УКГБ при СМ СССР* по городу Москве — УКГБ при СМ СССР по городу Новосибирску, от 7 августа 1969 года. Т. 11, л. д. 110).

В январе Новосибирский Обллит** запретил публикацию каталога произведений проводимой нами первой в СССР персональной выставки Эль Лисицкого.

В феврале начала работать Комиссия СО АН, которая занималась нашими предыдущими публикациями, и, в частности, опубликованным нами каталогом первой персональной выставки произведений Павла Филонова, распространение которого было запрещено после его полной распродажи.

16 февраля от Марка Шагала пришло из Франции письмо с его согласием прислать произведения для выставки: «...рад, очень тронут — писал он нам, — мысленно и душевно с вами, хочу еще раз поблагодарить и передать всем мои чувства преданности». (Т. 11, л. д. 82).

Но ни его приезду, ни его выставке состояться не было суждено. Список же предпринятых для этого мер был бы слишком длинен, чтобы приводить его здесь полностью.

Родионов и я поставили себе задачу добиться максимального успеха там, где нет проторенных дорог, где все впервые. Это был рывок в неизведанное, где каждый вопроसेц опутан страхом.

Реабилитация замученных живописцев — ныне самая актуальная, но и самая трудная задача для современного искусствоведения. И творческий коллектив нашей картинной галереи в меру своих сил эту задачу осуществлял.

Мы знали, что обречены, но не знали, как скоро это произойдет. Некоторые первые успехи обнадеживали и позволяли осторожно надеяться на то, что,

* Уполномоченный Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР. — Р е д.

** Обллит — областное управление по охране военных и государственных тайн в печати. — Р е д.

возможно, и удастся закрепиться на крохотном отво-
еванном плацдарме. Но нити этой надежды были
слишком тонки и ненадежны. Малейшее дуновение
могло оборвать их и разнести в прах наши воздуш-
ные замки. Так оно впоследствии и было.

И знаменательно в связи с этим величие духа, ко-
торое постоянно проявлял Родионов среди бессечно-
го количества невзгод и долгих превратностей судь-
бы, которые достались нам на нашу общую долю. Но
мы имеем все основания быть довольными этой сво-
ей судьбой. На нас пал ее неисповедимый выбор, нас
выбрала она для осуществления этой нелегкой зада-
чи, нам даровала она милость продвинуться чуточку
вперед по этому утыканному терниями пути.

И хотя недолог был наш путь — несколько пер-
вых шагов мы все же успели пробежать.

Но именно такая перспектива и не устраивала на-
ших казарменных эстетов. Вполне естественно в
связи с этим, что наша деятельность, ее темп и раз-
мах тотчас привлекли к нам самое пристальное вни-
мание нашего дорогого (в смысле дорогостоящего)
министерства, ведающего массовой культурой. Оно
быстро разобралось, что мы додумались до реабили-
тации художников, которые замалчивались десяти-
летиями, вытравленных начисто из советской куль-
туры еще в 30-40 годы, что мы подняли на щит ре-
прессированных, а главное, что мы стали приобщать
к искусству каждого, и начали это с детей, а такого
самоуправства наша культурная инквизиция, кото-
рая, хотя и культурная, но все же инквизиция, по-
терпеть не могла. Ибо горе тем, которые вздумают
делать то, что никто не делает, как и тем, кстати го-
воря, которые не делают того, что делают все.

Мы оказались не во вкусе ее внутриведомственной
культуры, а она старается, чтобы все было сгнетено
к усредненной посредственности, чтобы все отдавали
дань укоренившемуся цензу пошлости, чтобы никто
не смел высовываться.

Будучи сама коллективной посредственностью, пригодной лишь для внутриведомственного пользования, она, эта культурная инквизиция, ненавидит все самобытное, яркое, выдающееся. И такой же вялой посредственностью старается воспитать и подрастающее поколение, внедрить в его сознание усеченную, казарменную нравственность. Покушаться на это царство застоя никому не дано.

Не дано это было и нам.

И вот, не стыдясь никаких низостей, она начала действовать.

В феврале была совершена первая, но наиболее серьезная провокация. Было организовано похищение двух произведений Франсиско Гойи с проводившейся у нас его выставки и принадлежащих Музею изобразительных искусств имени Пушкина. (Т. 7, л. д. 4).

Примечательно, что уже за две недели до происшествия мы видели, что тучи сгущаются, и установили круглосуточное дежурство в залах всего нашего маленького коллектива, чего никогда за два с лишним года деятельности галереи мы не практиковали. Когда же, всего на одни сутки, все помещения были переданы под охрану сотрудникам Комитета госбезопасности в связи с прибытием членов правительства и Верховного Совета СССР на проводившуюся юбилейную сессию, посвященную 10-летию Сибирского отделения АН СССР, хищение и произошло, что не было для нас неожиданностью.

Его предвидела, как оказалось, и приехавшая на место происшествия милиция, которая, кстати говоря, искать похитителя отказалась, а мы его, к тому же, знали в лицо!

Так снова завилась, закрутилась веревочка организованного шантажа и угроз.

Государственный Эрмитаж направил нам уникальную выставку японского искусства, а у нас по ночам «неизвестные» похищали либо уничтожали рекламные щиты-объявления о наших мероприятиях.

«Как-то» старательно срывались все наши афиши. На диспуты приходили молодцы, намерения которых не вызывали сомнения.

Обллит запретил издавать даже пригласительные билеты либо афиши выставок. Лекционный зал начал оказываться постоянно занятым. Было сорвано выступление приехавшего к нам поэта Андрея Вознесенского. А кончилась его эпопея тем, что его даже выселили из занимаемого им номера в гостинице.

Так, потихоньку, началась обычная, выработавшаяся в стереотип эскалация мер и силовых приемов.

В марте, якобы за опоздание на работу, мне вынесли выговор. Почерк знакомый, значит и обычное в таких случаях стандартное продолжение не заставит себя ждать. (Т. 10, л. д. 275).

Любопытно в связи с этим свидетельство директора Дома ученых по делу:

«Макаренко М. Я. задерживался на работе в картинной галерее до 2-5 часов ночи...» (Т. 7, л. д. 127).

Затем какие-то межведомственные комиссии вдруг ринулись на нас и совершили подряд три ревизии нашей финансовой деятельности. Для комиссий — безрезультатно, и свою разочарованность они и не пытались скрывать. (Т. 6, л. д. 3; 11, л. д. 124).

Тогда пустили слух, будто я меняю подлинники в фондах картинной галереи на копии и продаю их. Еще одна искусствоведческая экспертиза — и снова сорвалось. (Т. 6, л. д. 81).

В связи с этой грязной провокацией коллекционер Жигалко дал следующие показания в КГБ: «... я специально выехал в Новосибирск в связи с сигналами о том, что Макаренко будто бы увозит картины в Москву и продает. Но при проверке и производстве ревизии ничего не было обнаружено такого, что могло бы его компрометировать. Что он принял, то и было у него в наличии. Комиссия была представительная — никаких претензий к нему не было». (Т. 5, л. д. 285).

Так был пущен следующий слух: «Макаренко наживается, вымогая картины у художников», — и т. д. и т. п., так что у меня не было ни минуты покоя и мало времени для дела.

В связи с этим любопытны некоторые показания свидетелей по делу:

Инженер Дома ученых Моткова:

«В сентябре 1967 года... Макаренко привез из своего дома в картинную галерею картины: Айвазовского, Серова, Шишкина, других художников — всего около 15 произведений...» (Т. 6, л. д. 253).

Главный администратор Дома ученых Свиридова:

«По личным наблюдениям и со слов сотрудников я знаю, что Макаренко тратил деньги по работе, не делая попыток к их возвращению, отправлял телеграммы по делам галереи, оплачивал погрузки и отправку картин за наличный расчет из своего кармана». (Т. 7, л. д. 4).

Куликова, ткачиха:

«Мы жили одной семьей. Мне известно, что Макаренко и Родионов ничего на себя не тратили... Содержание галереи требовало затраты больших средств, они покупали много рулонов ткани, каталогов и т. д., часто выезжали по вопросам выставок, имели большие расходы. Эти расходы им не возмещались». (Т. 14, л. д. 262).

Художник Шемякин:

«Макаренко давал мне мелкие суммы на кисти и краски». (Т. 7, л. д. 143).

Аспирант Дворников, руководитель киноклуба:

«За фильмы о Филонове «Человек и счастье» и «Пир королей», которые мы снимали, Макаренко заплатил мне 300-350 рублей, за которые я в ведомостях не расписывался... Из его же денег возмещались расходы на поездку в Алма-Ата на киностудию «Казахфильм» оператора Алмакова». (Т. 7, л. д. 148).

Член-корреспондент АН СССР Поспелов, председатель Художественного совета академгородка:

«Мне известно, что в период работы картинной галереи у Макаренко были значительные затраты средств. На мой вопрос, откуда у него берутся деньги, он сказал мне, что с целью создать галерею по типу Третьяковской он продал часть своих картин». (Т. 6, л. д. 259).

Таковы беспартийные факты.

И, наконец, еще одно проявление усиливающейся политической реакции: состоялся мартовский Пленум ЦК КПСС, который принял известное постановление по идеологическим вопросам.

У нас пропагандой создан миф о том, что времена физической расправы и мести в делах убеждений якобы прошли, а недавнее прошлое насильно окунается в Лету.

Однако и поныне никто не может безнаказанно оскорблять дорогие для торжествующего лицемерия старые предрассудки... И вот, партийное руководство в марте 1968 года декретировало избиение инакомыслящих, началась инспирированная сверху «охота за ведьмами» по команде ЦК КПСС.

Немедленно состоялось расширенное бюро обкома КПСС Новосибирска, где секретарь обкома, член ЦК КПСС Горячев демонстрировал наши каталоги перепуганным телятницам и передовикам производства.

Затем шабаш по идеологическим вопросам, затем — клубная конференция, затем — просто собрания по институтам и учреждениям, — и все слышали чуть более громкое эхо инсинуаций, происходивших накануне в родном обкоме и чуть выше.

Неотразимая волна грязи залила все. События начали развиваться в своем обычном, традиционно-нашенском, «рассейском» качестве.

Дана была команда осуждать, травить до последнего издыхания. И вот, под улюлюкание хорошо оплачиваемой и хорошо организованной посредственности и под руководством обкома партии, в ака-

демгородке началось избиение всего живого, думающего, чувствующего иначе. Заработала машина дезинформации и лжи. Для заждавшейся инквизиции началась важная вежа дерзаний и свершений.

Был распущен только в академгородке ряд творческих учреждений, закрыты молодежные клубы и организации, в том числе:

молодежное кафе-клуб «Под интегралом»,
молодежный клуб поэзии «Гренада»,
кино-клуб «Сигма»,
народный театр и ряд других творческих, самостоятельных коллективов,
детская художественная школа,
картинная галерея,
кино-фото-клуб галереи.

Многие члены партии, причастные к этим организациям либо им сочувствующие, были исключены из рядов КПСС.

Ряд крупных ученых, в основном евреи, были отстранены от научной и преподавательской деятельности, а в некоторых случаях и выселены из академгородка.

Руководство общественными организациями на всех уровнях было заменено и т. д. и т. п.

Меры избиения были самые низменные и гнусные.

Так зверье беспокоится перед землетрясением. Тоска предчувствия близких перемен, тоска неминуемого перехода омрачает и сжимает его разум, и оно начинает метаться из стороны в сторону. Невелико, конечно, губительное действие этих мер. Нация выработала иммунитет и привычно уходит в подполье. Жизнь остановить нельзя. Но так исподволь пароксизмы сороковых годов обретают свое новое измерение в семидесятые. История повторяется, эти маленькие шажки в настоящем еще станут источником других, настоящих ужасов в будущем. Это жестокий, но здоровый оптимизм.

29 марта о необходимости прекратить деятельность картинной галереи и ее отделов мне сообщил 2 сек-

ретарь обкома КПСС, ссылаясь на то, что на это есть письмо ЦК КПСС. «Ваша деятельность идет вразрез с политикой партии в области культуры», — сказал он мне. Назавтра, 30 марта, Лавров — заместитель председателя Сибирского отделения АН СССР, сообщил мне, что Президиум СО АН СССР решил отказаться от моих и Родионова услуг и, в связи с этим, мы должны освободить занимаемую нами квартиру и закрыть картинную галерею, картины же сдать на склад. Он же сообщил мне, что обком КПСС раздобыл из Пушкинского горисполкома города Ленинграда клеветнические материалы на меня и передал их Сибирскому отделению АН СССР для сведения. На заседании обкома КПСС их цитировал в своем выступлении секретарь обкома КПСС Горячев.

Я объяснил Лаврову, что обязан быть Сибирскому отделению благодарен за выбор меня директором картинной галереи, но и только. Защищать свой выбор их дело, как и способ защиты, который они решатся избрать. Однако Лавров посулил мне без дальнейших экивоков, в случае оттяжек с передачей картин или сопротивления необходимости покинуть академгородок, возбудить против меня уголовное дело: «За что, всегда найдется», — с уверенностью в своих возможностях, убеждал он меня. Его доводы показались мне достаточно убедительными, эту братву я давно и хорошо знаю, как и методы, которыми они оперируют. И так как на его стороне были все преимущества, я решил не возражать, тем более, что это было совершенно бесполезно. Быстро я передал созданной приемной комиссии все картины и имущество галереи.

Однако, в связи с закрытием картинной галереи, проявили неожиданную активность ее зрители.

Комсомольцы университета распространили листовку и выпустили специальный сводный номер стенгазеты, а также собрали подписи под петицией протеста и со специально назначенной делегацией от-

правили в Москву за свой счет в ЦК ВЛКСМ. (Т. 12, л. д. 18).

Некоторые студенты, как явствует из приобщенных к делу документов, стали совершать по ночам соответствующие событиям надписи на общественных зданиях, дополняя их изображением свастик.

36 виднейших ученых обратилось с коллективным письмом в Президиум СО АН СССР и РК КПСС. Они протестовали против закрытия картинной галереи. (Т. 12, л. д. 18).

Тогда секретарь обкома Горячев публично на одном из очередных совещаний выступил с клеветой по моему адресу. В эти же дни я подал на него в суд за клевету. Бедный председатель суда чуть не умер от одной мысли, что секретаря обкома можно привлекать в обычном порядке, и что он должен будет все это проделать хотя бы ради формы.

Да не тут-то было. Такие, как Горячев, не умеют обуздываться. Уже на завтра, 5 апреля, меня арестовали прямо в Доме ученых во время передачи комиссии имущества галереи и по центральной улице академгородка, руки в положении «назад», меня доставили в отделение милиции.

Опять все начиналось с аздов — с психических атак. Им было неизвестно, что в славном городе Ленинграде я прошел всю азбуку шантажа и давления. Около 5 часов некие личности в гражданском платье и пожелавшие остаться неизвестными «беседовали» со мной обо всем понемногу. Главная цель беседы — дать мне понять, что вся существующая обо мне грязь — в их карманах. И что мне не следует забывать, кто такой я и кто такой Горячев. Но начал собираться народ, в основном, студенты Университета, и меня отпустили. (Т. 12, л. д. 18).

Назавтра, 6 апреля, милиция взяла с меня подписание о выезде из академгородка до 11 апреля. (Т. 12, л. д. 18).

На следующий день, 7 апреля, я получил из Франции от Шагала одно из его произведений для ре-

продуцирования на афише предстоящей его персональной выставки, которая должна была открыться 12 мая 1968 года.

8 апреля РК КПСС распорядился отобрать у меня пропуск на вход в здание Дома ученых.

9 апреля, в связи с всеобщим возбуждением и демонстрациями по поводу закрытия галереи, в газете «За науку в Сибири» была опубликована статья, где от имени Президиума СО АН СССР сообщалось, что-де Макаренко М. Я. хорошо себя зарекомендовал и что ему никто не делает ничего дурного, а картинная галерея вовсе не закрывается — скоро-де откроется в новом прекрасном здании, которое теперь будет для нее построено, а Министерство культуры пришлет квалифицированный постоянный штат, и т. д. и т. п. в том же духе.

11 апреля собралось внеочередное заседание Президиума Совета Дома ученых Сибирского отделения АН СССР, который выставил со своего заседания провокаторов и постановил: все обвинения против Макаренко необдуманны, и Совет их отвергает, деятельность директора картинной галереи полностью одобряется, в том числе и меры, им предпринятые для организации выставки Шагала. Совет подтверждает приглашение Шагала и его супруги в СССР, и они, в связи с закрытием галереи СО АН СССР, будут приняты в академгородке как гости Дома ученых СО АН СССР.

На организацию и проведение выставки Шагала заключить с Макаренко М. Я. отдельное трудовое соглашение сроком на 3 месяца и провести выставку Шагала на средства Дома ученых.

Направить в Москву делегацию в Министерство культуры СССР. Информировать Фурцеву и просить ее об оказании содействия. Члены делегации: председатель Президиума Совета Дома ученых, доктор физико-математических наук, профессор Васильев О. Ф., директор Дома ученых, член КПСС Чусови-

тин И. Г., директор картинной галереи Макаренко М. Я. (Т. 12, л. д. 19).

А тем временем весь фонд галереи был упакован в пакеты, опечатан печатью и сдан на склад. Примечательно, что в знак протеста из академгородка уволились и выехали все постоянные сотрудники картинной галереи (4 человека).

13 апреля меня уволили «по собственному желанию».

15 апреля наша делегация прибыла в Москву и информировала первого заместителя министра культуры Павлова о ходатайстве Совета Дома ученых СО АН СССР. На 9 часов утра 17 апреля профессор Васильев и Чусовитин получили телеграмму о распоряжении Председателя Сибирского отделения АН СССР, кандидата в члены КПСС академика Лаврентьева прекратить всякие шаги по сохранению картинной галереи и организации выставки Марка Шагала и немедленно возвратиться в академгородок. Фурцева нас не приняла, наши ходатайства были отклонены.

Днем 17 апреля из Новосибирска прилетел 2 секретарь обкома КПСС города Новосибирска Чемоданов и вместе с директором Дома ученых Чусовитиным они меня уговаривали отписать Шагалу, что-де я болен, что мне семейные обстоятельства не позволят заниматься организацией его выставки и т. д. В два голоса они заверили меня, что больше никаких гадостей мне вслед сделано не будет, что моя квартира в академгородке будет за мной сохранена, что как только «схлынет волна», меня снова позовут в Сибирское отделение и картинная галерея будет функционировать, как и прежде.

Перед отъездом Чусовитин вручил мне хвалебную характеристику, почти некролог, подписанную академиком Лаврентьевым в феврале месяце. Эта милость показалась мне чрезмерной, и я принял ее с трепетом.

После отъезда Чемоданова и Чусовитина я обратился в ЦК КПСС, и 18 апреля у меня состоялся первый разговор с заведующим отделом ЦК КПСС по культуре Шауро (по телефону). Затем он два дня «собирал сведения», по его словам, о нашей галерее и Шагале, а 20 апреля и 24 апреля состоялись еще две беседы продолжительностью около трех часов. Примечательно, что разговор начался с претензии Шауро. Он сказал: «Вы неправильно информировали ЦК КПСС. Вы говорили, что будто бы Шагал выдающийся русский художник, а он-то ведь еврей». (Т. 12, л. д. 19).

Хороши же наши культуртрегеры. Немного же им надо знать, чтобы ведать всей культурной работой в стране. Этим своим возражением он вернул меня в добрую старую Русь. Дальнейшее словоговорение свелось к тому, что это, дескать, «на местах» палку перегибают, что ЦК КПСС ни при чем, что теперь делу уже ничем не помочь, да и лагерей в нашей стране не так уж и мало. А в это время все зарубежные «Голоса» надрывались о нашей галерее.

25 апреля я возвратился в Ленинград. Из Новосибирска я с собой увез 5 контейнеров уже собранной для организации выставок живописи и скульптуры, в том числе и произведения Шагала, собранные для его выставки. Всю эту массу ценностей, которую коллекционеры в свое время давали мне, предстояло развезти по разным городам и возвратить владельцам. Нужно было собрать и находившиеся в других музеях страны наши произведения, полученные ими в порядке обмена выставками. И эти произведения предстояло развезти их владельцам. Это была работа на год, и, разумеется, за наш счет. Ею мы и занялись.

Но вдруг Родионов был приглашен к начальнику паспортного стола Пушкинской милиции, где у него отобрали паспорт и выписали из Ленинграда, предложив ему покинуть Пушкинский район. Таким образом, помимо прописки, он одним ударом был ли-

шен и жилплощади. Никаких объяснений ему не было дано, просто предложили покинуть Ленинград и жаловаться. В таких случаях предполагается, что никто не подумает пересматривать установленный порядок, и впоследствии так оно и оказалось, хотя мы с жалобами дошли до Верховного Совета СССР.

Так началась новая серия полицейских дурачеств и мелких надругательств в родном Ленинграде. Родионов по простоте душевной действительно начал жаловаться. Но Пушкинский горисполком тут же вызвал его на свою административную комиссию и предупредил об ответственности за злостное нарушение паспортного режима и проживание без прописки. На следующем этапе его ожидал год лишения свободы за нарушение паспортного режима по статье 198 УК РСФСР. Его обращение в Пушкинский суд, а затем в Ленинградский городской суд остались без рассмотрения. Продержав 4 месяца и поразмыслив, Ленгорсуд возвратил ему его иск нерассмотренным.

В Москве, в приемной Президиума Верховного Совета РСФСР, куда он обратился в связи со столь вопиющим произволом — сперва не могли поверить в правдоподобность этого факта. По крайней мере изумление на лице референта нам показалось неподдельным. Родионову предложили возвратиться в Ленинград, где после звонка из Приемной ему помогут восстановить свои поправленные права. В Ленгорисполкоме Родионову действительно предложили помощь. Но не в возврате отобранного у него жилья и постоянной прописки, а в трудоустройстве по лимитной прописке на предприятие с общежитием, то есть на те предприятия, которые набирают бесправных полурабов, соглашающихся ради временной прописки и общежития делать любую, как правило, самую тяжелую работу и за наиболее мизерную плату.

Поскольку это тоже оказалось невозможным, так как «...в Ленинграде ни замужних, ни женатых не

берут на работу по лимиту», — как показал Родионов на допросе в Комитете госбезопасности, ему пришлось расторгнуть в связи с этим брак. (Т. 1, л. д. 290).

Но и это не помогло. Ибо и разведенных, как потом оказалось, тоже не берут на работу по лимиту из боязни, что развод совершен фиктивно. И как мы видим, не без оснований. Слава не первый оказался на этом скользком пути. Так круг замкнулся.

При вторичном обращении в Приемную Президиума Верховного Совета РСФСР мы снова наткнулись на крайнее изумление референта, который, кстати сказать, выражал точно такое же неподдельное изумление, принимая и предыдущих жалобщиков. А затем мы заметили, что его коллеги, восседающие за двумя столами, выражают не меньшую степень изумления, выслушивая своих быстро сменяющихся пациентов и профессионально повторяют эту процедуру каждые 8-12 минут, по мере поступления новых. И так весь день, всю неделю, ежемесячно! Здесь было чем восхититься! Высший класс мнемотехники и словесной эквилибристики!!!

Родионову же, после длительного разговора по телефону с Ленгорисполкомом из другого помещения, было сказано, что помочь в восстановлении его прописки и возврате ему его жилплощади ему не могут. «Значит вы чем-то уж очень им досадили, — сказал нам референт на прощанье. — Устраивайтесь в другом городе».

Итак, еще одно маленькое, добытое опытом, открытие из области нашего административного права. Оказывается, «на местах» имеют право негласно, в обход законодательства, решать подобные вопросы в зависимости от своего вкуса и темперамента. Так беззвучно и вне правовой системы был выселен из Ленинграда и лишен жилплощади Слава Родионов.

В атмосфере всеобщей безнаказанности это, по-видимому, обычное явление, обычный способ тихой борьбы с неугодными.

Интересно отметить, что еще в 1965 году его долго мучил военкомат при соучастии прокуратуры. Родионов также не избежал психиатрического обследования в невропсихиатрической лечебнице № 4 на Лиговке 128. В связи с переездом в Новосибирск против него возбуждалось в прокуратуре города Ленинграда уголовное дело якобы за уклонение от службы в армии, в связи с чем его постоянно теребили и в Новосибирске. Однако, как теперь оказалось, все это была лишь имитация и призыва, и уголовного преследования. Вот два документа, проливающих истинный свет на всю эту возню.

Прокуратура города Ленинграда сообщила Комитету госбезопасности, что «материалы о привлечении Родионова к уголовной ответственности из райвоенкомата в прокуратуру не передавались...» (Т. 11, л. д. 276).

Кольчугинский райвоенкомат Владимирской области, последнее место жительства Родионова перед арестом, сообщил Комитету госбезопасности, что к нему тоже «...поступило устное распоряжение Родионова не призывать в армию...» (Т. 11, л. д. 248).

Но его, тем не менее, постоянно держали «на взводе», непрерывно присылая фиктивные повестки о призыве в армию. Как только время подходило — призыв откладывался. Последняя подобная симуляция Кольчугинского райвоенкомата держала Родионова в напряжении вплоть до его ареста.

22 ноября 1969 года, согласно полученной им повестке, он должен был быть призван в армию. В то же время мы видим, что призывать его и не собирались, так как было «устное распоряжение», а 25 ноября он был арестован, после очередного переноса призыва в армию. (Т. 1, л. д. 136).

Так военкомат взаимодействует с прокуратурой и КГБ.

Мои пушкинские тираны тоже не изменили себе ни разу. Уже через 10 дней после моего возвращения в Ленинград, по распоряжению председателя

Пушкинского суда, меня приводом доставили в нар-суд и взяли расписку о поступлении на работу в 2-недельный срок. А ведь за три года работы в академгородке мне ни разу не пришлось получить отпуск, и я рассчитывал, в связи с принудительным увольнением, что полагающееся мне за три года для отдыха время использовать для раздачи привезенных картин их владельцам. Но не тут-то было. Через две недели меня вызвали уже в прокуратуру, где требовали немедленно поступить на работу. Неделю погодя процедуру повторил участковый.

5 августа я поступил дежурным оператором на пульт управления при центральном телефонном узле связи города Ленинграда, но через 2 недели был уволен, и конечно же, «по собственному желанию». В отделе кадров мне доверительно показали поступившую к ним из СО АН СССР «характеристику» на мою личность. Если бы я не читал ее собственными глазами, не поверил бы, что такая низость, такое кощунство возможны.

Спохватившись, что мне дали уехать не по этапу в столыпинском вагоне, академические шулера сообщили, что будто бы я и картины подменял и перепродавал, и финансовыми махинациями занимался, и что будто бы Совет Дома ученых мне выразил недоверие, а — после трех листов машинописной злобы — что я имею связи с посольствами Италии, Франции и Англии! (Т. 10, л. д. 275-278).

В нашей стране каждый знает, чего стоит человек, о котором сказано, что он «связан» с посольствами капиталистических стран. Знали это и в Сибирском отделении, поэтому, собственно, и «связали» меня с ними своим словом, хотя я понятия не имею, где они находятся, даже визуально. А вот для сравнения характеристика, выданная мне на руки этими хамеленами, которым не только свойственны коварные удары из-за угла, но, как оказалось, и такое нравственное растление, о котором нормальный человек не может иметь даже приблизительного представления:

Академия Наук СССР
Сибирское отделение
24 февраля 1968 года

Характеристика

Макаренко Михаил Янович, 1931 года рождения, гражданин СССР с 1939 года, беспартийный, участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 по 1943 год, награжден медалями СССР и орденом КНР, в Сибирском отделении АН СССР с октября 1965 года по приглашению Президиума СО АН СССР в должности директора картинной галереи СО АН СССР.

Макаренко М. Я. является инициатором создания в академгородке галереи современной живописи. Деятельность галереи получила высокую оценку общественных организаций академгородка, местной и центральной печати за организацию первых персональных выставок выдающихся советских художников первых лет советской власти, за умелую пропаганду советского искусства среди школьников и студентов. Впервые в нашей стране дети всех возрастов получили бесплатный доступ на все выставки, лекции и диспуты по искусству, а деятельность галереи осуществлялась без государственной дотации. Он награжден двумя почетными грамотами Сибирского отделения АН СССР.

Макаренко М. Я. является человеком высоких моральных качеств.

Вице-президент АН СССР
Председатель Сиб. отд. АН СССР
академик Лаврентьев*

Как можно заметить, в свое время события излагались несколько иначе, чем излагаются они теперь Сибирским отделением. Однако я должен простить им их клевету и такую переменчивость в оценках. Тяжелые обязанности службы избавляют их от обязанностей не только быть добросовестными либо благодарными, но и элементарно порядочными.

К счастью для бедной истины, крайняя подлость этих людей, мерящих все на свой укороченный аршин, выявляется при первом же соприкосновении с фактами.

* Т. 1, л. д. 17.

И здесь уместно привести еще отрывки из моей находящейся в Верховном суде РСФСР кассационной жалобы:

«...3 года за счет принадлежащей мне коллекции картин, которую я беспорядочно распродал, подготавливались и открывались выставки, обратившие на себя внимание культурной общественности нашей страны. На мои средства открыта и первая выставка во вновь созданной галерее, специально приуроченная к приезду в академгородок Президента Франции де Голля и последняя, шестнадцатая, выставка Франсиско Гойи, приуроченная к открытию Международного Кристаллографического конгресса в СССР». (Т. 14, л. д. 91 и т. 12, л. д. 200-202).

«На мои же средства снимались цветные фильмы, диапозитивы, содержался кино-фото клуб, детская художественная школа, принимались делегации зарубежных гостей, делались подарки, осуществлялись все перевозки...» «...После закрытия картинной галереи на мои средства в течение года я и Родионов Слава развозили в разные города произведения живописи и скульптуры, собранные нами для предстоящих выставок, даже после закрытия галереи и выселения из академгородка, я, предполагая, что галерея все же будет функционировать, как и было всем обещано через печать, сделал еще одну дарственную на ряд ценных произведений Фалька, Филонова, Грицюка, Дарде и среди них большую картину «Уход Толстого из Ясной Поляны». Картину «Ленский расстрел на Бодайбо в 1905 году», написанную участником тех событий, я подарил Новосибирскому музею краеведения». (Т. 15, Касс. жалоба).

Таковы действительные факты.

Но три прошедшие десятилетия выдубили мою шкуру и приучили как к неблагодарности, так и к воздаянию злом за добро, и мне уже не привыкать идти сквозь строй.

Оказавшись уволенным и в ожидании еще предстоящих в последующем поношений, я выбрал работу, соответствующую обстоятельствам.

17 сентября, после еще двух приводов в прокуратуру за мое «тунеядство» я поступил кочегаром в котельную Зоологического института АН СССР в городе Ленинграде. Мне казалось, что если я буду кидать уголек, мне никто не позавидует. А тем временем я готовил ряд творческих работ для вступления в Союз художников.

Но не тут-то было!

Незадолго до поступления в Зоологический институт АН СССР я оформил через ОВИР МВД города Ленинграда и паспортный стол Пушкинского района всю необходимую документацию на приглашение в гости Шагала и его жены, как мы с ним об этом договорились после закрытия картинной галереи. Мне не отказывали. Но для окончательного решения вопроса потребовали, казалось бы, незначительную мелочь — характеристику с места работы. Предложенная мной характеристика СО АН СССР, подписанная академиком Лаврентьевым, не подошла. Просили из кочегарки... И вот началось. Почти каждую мою смену меня поджидал либо главный инженер Гельфер, либо начальник спецчасти Шарова, либо старший мастер Иванов, которые тщетно рассчитывали на малейшее нарушение мной распорядка, либо на опоздание. Когда же убедились в том, что этого не произойдет, меня попросту в октябре уволили «за прогул», и дело с концом. (Т. 11, л. д. 67).

Это самое распространенное начало всех административных гонений в СССР. В дискриминационных целях человека сперва делают «тунеядцем», а затем его уже можно бить ногами, не стесняясь. Но как они, однако, все банальны своей одинаковостью! Даже в академических учреждениях не утруждают себя необходимостью разнообразить эти приемы. Сегодня не совершаются больше открыто жестокости

1940-1950 годов, сегодня ограничиваются мошенничеством, организованным в масштабах страны.

Травлей и гонением инакомыслящих, полицейскими уловками и следственными шалостями, цель которых одна — сбить с толку, запугать, нравственно умертвить, сломить все человеческое, загнать в скорлупу законопослушного обывателя. И все это, конечно, под прикрытием увесистых слизких фраз и внешней респектабельности, которые, однако, хотя и покров, но менее всего непроницаемый.

Дело, состряпанное по лучшим рецептам фашистской кухни Комитетом госбезопасности, позволяет нам заглянуть за кулисы событий того времени. Оно переполнено образчиками неблагоприятных действий мракобесов всех мастей и обычаев нашего социалистического средневековья. Своих жертв они не стесняются. Невозможность утечки информации из этих застенков позволяет им резвиться, не стесняясь. Вот несколько образчиков действий заплочных дел мастеров на поприще зоологии:

Хотевский, должность которого в Зооинституте АН СССР остается загадкой, доверительно сообщает Комитету госбезопасности: «Сигналов об антисоветских настроениях Макаренко не поступало (ага! Значит он регистратор сигналов), но был сигнал из ОВИР МВД. Он приглашал Шагала, и ему была нужна хорошая характеристика. Как поступить, обсуждали в кабинете директора института Быховского с начальником спецчасти Шаровой». (Т. 7, л. д. 29).

Ага! Вот как это делается! Свистать всех наверх и пушки к бою! Как они решили поступить со мною, мы уже видели. С глаз долой — из сердца вон. Быстро, удобно, безопасно. Ибо грозное сословие, к которому Быховский, Хотевский, Шарова и иже с ними имеют сомнительную честь принадлежать, крайне нервно реагируют на приезд в СССР художника, признанного всем миром, каждое произведение которого в нашей стране охраняется коллекционерами как священная реликвия. А единственная его «ви-

на» состоит в том, что он не дал в свое время коллегам Быховского, Хотевского, Шаровой и иже с ними сделать из него обыкновенный шашлык. Такое сопротивление неисповедимым путям нашей демократии шокирует Быховского, Хотевского и иже с ними и в 70-х годах нашего научно-технического, космического века. Ибо в семидесятых годах быховские, хотевские и шаровы не могут поступиться предрассудками незабвенных тридцатых годов.

А чтобы еще успешнее наделать мне гадостей, по случаю моего продолжающегося самоуправства, они обратились за помощью к СО АН СССР. Те не замедлили прислать экземпляр своего опуса о моих империалистических связях и мифических финансовых махинациях, почитая за особое удовольствие прибавить этот знак своего расположения к предыдущему благодению, которого от них я уже удостоился всего лишь за месяц до этого и благодаря которому уже был единожды вышвырнут с работы.

Вот как сам академик Быховский живописует о своих доблестях Комитету госбезопасности:

«Полученную по нашей просьбе действительную характеристику на Макаренко М. Я. мы направили в Пушкинский райотдел милиции в связи с приглашением Макаренко М. Я. знакомого из Франции с супругой, Марка Шагала, — на 3 месяца за свой счет, и согласием Шагала на приезд в СССР к Макаренко М. Я.». (Т. 11, л. д. 71).

Так что академик, как мы теперь видим, туго свое дело знает, и теперь для всех и каждого совершенно очевидно, что он сумел проявить несомненные признаки хорошего вкуса и бездну изобретательности в полицейском деле, порученном его неусыпным заботам и попечению. Он знает и где что взять, и главное, куда взятое послать. Но собственно, на то он и ученый, чтобы дерзать, мыслить и изоцряться мыслью.

А завершил поручение, подстрекаемый зоологическим инстинктом, Быховский такими действиями:

«...копия характеристики (не поленились!) направлена нами в Ленинградский городской суд, где (к зоологической радости Быховского) Макаренко М. Я. лишали уже родительских прав. Ранее высланные документы в городской суд города Ленинграда (так пишет сам Быховский) Макаренко М. Я. дважды уже удалось выкрасть». (Т. 11, л. д. 71).

А ведь он одержим бесом трудолюбия! Не поленился сделать четыре копии с этой ослизлой грязи! Но как мы еще увидим, ему придется сделать еще и 5-ую и 6-ую.

Но главное, какая осведомленность в делах о разнообразии мер, которыми меня подвергали усиленному моральному и физическому массажу в различных ведомствах города Ленинграда!

Эта подпольная деятельность академика по совместительству на сыскном поприще доставляла ему видимое удовольствие. Так, для еще большего сведения Комитету госбезопасности о моей зловредной личности, этот ученый мракобес изготовил еще нечто, оставшееся пока за кадром, ибо в конце своего доноса Быховский, снискавший себе, благодаря соответствующей деятельности, образчик которой мы видели, и искусству раболепия, еще и мандат депутата Верховного Совета СССР, сделал скромную, но многозначительную приписку: «Приложение на 6 листах». Как говорится в таких случаях: «Браво, академия!». Зря только он насчет моей милиции утруждал себя. Ее-то Сибирское отделение АН СССР в первую очередь снабдило своим безудержным пасквилем. И, как теперь выясняется, не только ленинградскую периферию оно забросало гнилыми плодами своего клеветнического таланта. Только в деле КГБ № 331 этих самых зловонных характеристик собралось уже 5 или 6 штук и в каждой по 2-3 листа машинописной злобы. (Т. 10, л. д. 275-277, т. 12, л. д. 59-61, 127-129).

Однако, выбирая мне в Европе капиталистические государства, они проявили недостаточно оригиналь-

ности. Земной шар больше, и сунься они подальше, вполне подобрали бы мне что-нибудь пикантнее и более страшное. Например: Родезию в Африке, Китай в Азии или, чего уж лучше, поскольку СО АН троицу любит, Израиль на Ближнем Востоке! Но в этом моральном растлении наших руководителей ничего нет необычайного с точки зрения господствующих ныне нравов нашего всесоюзно-партийного дворянства. Политическая нечистоплотность, шулерские приемы в общественной деятельности, злоупотребления в служебной, и наряду с этим продажность менее чем за 30 серебряников и аморальность в личной жизни, черты засвидетельствованные всеми устными источниками, какие сохраняет народная память о них и передает из поколения в поколение. Это те основные примеры, по которым узнаются наши профессиональные народные представители всех уровней и званий.

*И год последний в объятиях социалистической
демократии — год 1969*

Пять месяцев понадобилось мне на этот раз, чтобы восстановиться в должности кочегара Зоологического института АН СССР. Вынужденный прогул даже за 20 дней на этот раз мне не оплатили, так как и разбирательства в суде не произошло. Убедившись в невозможности выиграть дело, администрация института просто допустила меня вновь к работе, сэкономив на этом около 20 рублей, и с 7 марта, после того, как Васильеостровский нарсуд (судья Власова) столько промусолил это дельце, я был на работе восстановлен и удостоен чести отапливать кабинеты Быховского, Хотевского и Шаровой. (Т. 11, л. д. 67).

Правда, ненадолго. Ибо уже через 2 месяца, 15 мая, меня вновь уволили, но уже в видимых рамках законности. Начальник спецчасти Шарова, полагая себя скупой награжденной просто расставанием с кочегаром Макаренко, который к тому же, к неопишуемому ее негодованию, оказался еще и Хер-

шковичем, воспользовалась случаем и совершила в моей трудовой книжке прощальный канкан — танец черепа социалистического XX века.

Этот случай мне так дорог, что не могу не рассказать о нем подробнее.

С улыбкой сочувствия она обмакнула перо в тушь и сделала первую надпись: «Уволен за прогул». Увидев мое изумление, она снисходительно улыбнулась и сделала вторую запись: «Уволен по собственному желанию». Поскольку я и вовсе растерялся, она сделала мне успокаивающий знак рукой и двумя жирными черными крестами обе записи зачеркнула. Мое смятение достигло предела, когда она торжествующе начертала третью надпись: «Предыдущие пункты № 9 и 10 не читать», — и шлепнула печать.

Затем с сознанием своего торжества она взяла авторучку с синими чернилами и сделала четвертую запись, правда, не без сожаления: «Уволен в связи с окончанием отопительного сезона».

По-видимому, арсенал ее изобретательности этим исчерпывался. Но, тем не менее, она была прекрасна! То же самое переживали ее предки, когда они, издавая победный клич, снимали скальп с соплеменников. Такого со мной еще нигде не было. И ради того, чтобы это пережить, стоило жить и докатиться до их Зоологического института!

Я умышленно так подробно останавливаюсь на всех этих фактах.

Микроскопическая анатомия клетки дает больше знаний о разложении организма, чем отрезанный ломь трупа.

6 июня, по совокупности предъявленных мною Художественному совету Ленинградского городского комитета художников книги, графики и плаката работ, я был принят в члены этого творческого союза.

Председатель союза дал следующие показания КГБ.

«На заседании Комитета был рассмотрен вопрос о принятии Макаренко М. Я. и Родионова В. С. в члены Горкома, на котором, после просмотра их творческих работ, они были приняты. Работы были выполнены на среднем техническом уровне, технически грамотно. В июне 1969 года Макаренко М. Я. было выдано отношение в архив кино-фото документов СССР в связи с его просьбой ознакомиться с документами, относившимися к жизни и деятельности В. И. Ленина. Он говорил, что делает работу к 100-летию Ленина». (Т. 7, л. д. 31, т. 3, л. д. 30, т. 11, л. д. 167).

Совместно с ответственным секретарем ленинградского Комитета ветеранов народного ополчения, который сам с 14 лет был воспитанником-добровольцем в действующей армии, мы продолжали работу над документальной повестью «Пропавший батальон» — о народном ополчении в блокадном Ленинграде. (Т. 14, л. д. 95).

С художником-иллюстратором С. Рудаковым готовил книжку для детей о художниках России. (Т. 5, л. д. 171).

Ленинградскому издательству «Искусство» предложил рукопись брошюры о художнике Эль Лисицком, которую обещал включить в план издательства на 1970 год. (Т. 14, л. д. 95).

Ранее были изданы каталоги: о творчестве французского скульптора-графика Поля Дарде, о творчестве Павла Филонова, о творчестве Дмитрия Гриневича (Баркляя-де-Толли) и других. (Т. 14, л. д. 95).

А тем временем меня действительно полным ходом лишали родительских прав на моих детей, с которыми мне по-прежнему не разрешали ни видеться, ни переписываться.

Воспользовавшись моим иском о возврате мне детей, 3 дня, с 1 по 3 сентября 1968 года, Куйбышевский суд города Ленинграда (судья Цельядит М. П.) разбирал дело и вынес определение в мою пользу. Но... что-то вдруг прервало нормальное течение су-

да, заставило закон замолчать и изменило всю картину процесса. Представитель РОНО, педагог Егорова, была внезапно отозвана и уволена с должности заведующей детским садиком.

Объявленный судом перерыв затянулся на 7 месяцев! Вновь назначенный представитель РОНО, ознакомившись с делом, принял мою сторону. Ее также немедленно убрали. Дело принял к своему производству по 1-й инстанции сам Ленинградский городской суд как особо для него важное. И надо отдать ему должное — провернул его быстро и в стиле лучших традиций большой проезжей дороги. (Т. 14, л. д. 23-72).

Дело выскоблили от всех неугодных, ранее уже приобщенных доказательств. Представители Ленгоруно к участию в процессе допущены не были, как и подготовленный ими для суда объективный акт обследования. Адвоката в суд не допустили. Мои интересы, по мнению суда, вполне мог защитить прокурор города Ленинграда. Свидетелей решили не спрашивать, так как высокому суду и так все было ясно. Ограничились выступлениями представителей Пушкинского горисполкома, облачившихся по этому торжественному случаю во все ордена и медали. Кульминационным моментом было появление сияющей заведующей спецчастью Зооинститута Шаровой, которая принесла четвертый экземпляр копии характеристики, как изготовленных самими зоологами, так и собратьями по луже Сибирским отделением АН СССР. Пушкинский горисполком не преминул представить полное собрание сочинений за все годы в отредактированном заново виде.

15 апреля 1969 года свершилось, наконец, юридическое оформление уже 5 лет осуществлявшейся на практике карательной меры — меня решили родительских прав.

Судья Игнатьев Н. И., народные заседатели Осинья Л. Г., Попов А. Д., прокурор Новиков В. И.

Юридический камуфляж этой звериной акции за-

вершил Верховный суд РСФСР, утвердивший приговор. Любопытно, что и Верховный суд РСФСР не допустил адвоката участвовать в рассмотрении дела. Опять ограничились выступлениями представителей Пушкинского горисполкома, несомненной стороны в деле.

Вся эта кампания с самого начала была слишком единообразна в своих проявлениях на всех своих стадиях, чтобы не быть организованной, а упрощение форм и обрядов судопроизводства и не могло привести к иным результатам.

Председательствовал в Верховном суде Пестриков Ф. П., члены Верховного суда Салов С. Ф. и Леонова Л. М., прокурор Барсукова Е. С. (Дело 78-19-19).

Я привел только документы и лишь малую их часть. Но большей объективности, чем в них самих, нам и не найти.

Арестом в июле 1969 года завершаются первые 3 десятилетия моей жизни в объятиях нашей социалистической демократии. В четвертое десятилетие я вступил как Андрей Рудаков — обвиняемый по делу о подпольной партии «Всесоюзное движение трудящихся за коммунизм»!

И я пишу это дополнение Верховному Суду РСФСР не потому, что рассчитываю на справедливость. Нет. Я понимаю, что «так надо». Правда, идейные предшественники нашей сегодняшней демократии были проще, они говорили: «Каждому свое». Но я хочу, чтобы суду было отчетливо и бесспорно видно, как много этого самого «так надо» выпадает иногда на одну отдельно взятую человеческую душу в нашем обществе.

Ибо у самого государства, как оказалось, нет ни памяти, ни стыда, ни совести и, скажем все до конца, — ни чести. И я пользуюсь случаем освежить его память и отхлестать своими воспоминаниями.

Сумма некоторых из приложенных ко мне физических сил выглядит на сегодня следующим образом (за вычетом приложенных в КГБ):

АРЕСТЫ

Апрель 1948 МВД:

За правдивые сведения о себе направлен в колонию, бежал.

Июнь 1948 МВД:

2 месяца тюрьмы, принят в советское гражданство, затем уволен и выслан из Винницы.

Октябрь 1949 КГБ:

За намерение поехать в отпуск к родителям. Отобрана подписка об отказе от них, неразглашении, уволен, выселен, отобраны медали, исключен из ВЛКСМ.

Декабрь 1949 КГБ:

За отказ возвратить советский паспорт. Бежал.

Весна 1950 МВД:

В связи с лишением советского гражданства. Бежал.

Осень 1952 МВД:

За правдивые сведения о себе. Исключен из ВЛКСМ, из кандидатов ВКП(б), досрочно демобилизован, выселен из Приморского края.

Весна 1954 МВД:

За отказ возвратить воинский билет и советский паспорт. Вновь отказался от поездки и переписки с родителями и их приезда в СССР.

Апрель 1963 КГБ:

За письма Советскому комитету защиты мира, в ЦК КПСС и «Правду». Обещал не писать.

Март 1965 МВД:

Служебное злоупотребление сотрудников КГБ. За деятельность в КГ СО АН СССР уволен и выселен из академгородка.

Июль 1969 КГБ:

За деятельность во всесоюзном движении «Труд за коммунизм» осужден на 8 лет.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЛЕЧЕБНИЦАХ

Май 1963, январь 1964, июнь 1965 — в невро-психиатрическом кабинете Пушкинской районной больницы города Ленинграда. Предупрежден: «Не пиши!»
Ноябрь 1963 — Невро-психиатрическая больница № 4, города Ленинграда. Предупрежден: «Не пиши!»

ВЫСЕЛЕНИЯ

сентябрь 1948 из Винницы
октябрь 1949 из Москвы
декабрь 1953 из Хорольского района Приморского края
апрель 1968 из Новосибирского научного центра СО АН СССР.

Но это только верхушка айсберга!

В связи с вышеизложенным любопытны некоторые параллели:

ПРИНЦИП И СЛЕДСТВИЕ

Боярская Румыния, 1939 год

Из-за антисемитизма, из-за нищеты и своего еврейского происхождения

я убежал первый раз из дому и второй раз — в СССР. Из-за этого же нашу семью выселяли и описывали последнее.

1940 год СССР

Из-за антисемитизма и шпиономании

меня не возвратили к родителям, я был вынужден бежать из детдома и скрывать свою фамилию и происхождение.

1941 - 1947 годы

Живя под чужой фамилией и числясь «русским», я был вполне счастлив. Был воспитанником, за-

тем красноармейцем, меня направляли в Суворовское училище. Я спокойно работал в колхозе почти три года. Меня наградили двумя медалями.

1947 - 1948 годы

Из-за того, что хотел возвратиться на свою фамилию и сообщил о себе правдивые сведения, что я румынский еврей,

мне пришлось бежать из РУ, затем меня арестовали, уволили с работы в Ворошиловграде и поместили в колонию для преступников, из которой я убежал. Арестован в Виннице за то же и из низменных побуждений получил видоизмененную фамилию и меченый паспорт, уволен и выселен из Винницы.

1949 - 1950 годы

Поскольку я намеревался на время очередного отпуска поехать к родителям, которых я разыскал после войны,

меня исключили из комсомола, забрали медали, уволили и выселили из Москвы, взяли обязательство не переписываться с ними и никому о содеянном надо мной не рассказывать. Затем арестовали в Кишиневе, после попытки отобрать паспорт, но я бежал, затем арестовали в Рустави, с той же целью, но я снова бежал из-под ареста.

1951 - 1952 годы

Живя под фиктивной национальностью «русский» и скрывая свое румынское происхождение,

был принят в комсомол, избран комсоргом автороты, батальона, затем перешел на работу в политотдел, затем принят в партию, направлен в Корею. В этот период был награжден китайским орденом, 3 ценными подарками, 4 денежными премиями и 9 благодарностями комсомола.

1953 год

По призыву XIX съезда партии вновь сообщил о себе правдивые данные, что я еврей и притом еврей румынский.

Меня немедленно арестовали, как мне сообщили, прием в советские граждане был аннулирован, из комсомола и кандидатов ВКП(б) исключили, досрочно демобилизовали и затем, когда я поступил на работу, выселили за пределы Приморского края.

1954 год

Из-за того, что родители меня разыскивали и просили либо отпустить меня к ним, либо позволить им приехать ко мне в СССР,

меня вновь арестовали и взяли письменный отказ от поездки и переписки с ними.

1956 - 1965 годы

Поскольку, будучи введен в заблуждение призывами и решениями XX съезда КПСС, я, полагая, что все на самом деле кончилось, написал ряд писем в ЦП КПСС, Советский комитет защиты мира и газету «Правда», а также принял участие в работе Всемирного конгресса за мир и разоружение и Всемирного форума молодежи и студентов, а также переписывался с деятелями культуры по вопросам защиты мира,

у меня отобрали паспорт на фамилию Макаренко, под которой я жил уже 6 лет, и вновь выдали на фамилию Хершкович, в перемене фамилии на общих основаниях отказали; мой дом исполком пытался продать с торгов, стал меня штрафовать и не разрешил продать дом и выехать из Ленинграда, а когда я все бросил и уехал, меня вынудили вернуться и жить в своем доме. Написанные мною письма оказались в прокуратуре города Ленинграда, КГБ арестовал меня, произвел обыск и требовал прекратить «писания». Исполком отказался принять от ме-

ня в дар дом и коллекцию картин. Без санкции прокурора меня четыре раза подвергли принудительному психиатрическому обследованию, не заводя истории болезни, и взяли обязательство не писать. Описали дом для продажи его с торгов по надуманным причинам, затем дом отобрали. Пытались силой отобрать детей, выселили с детьми в канун Нового года в провокационных целях, отобрали детей и запретили с ними видаться, несколько раз пытались выселить из Ленинграда за «тунеядство», отобрали подписку о невыезде из Ленинграда, несколько раз производили обыски и взлом дверей в мое жилище. Организовали отказ моих детей от меня, пытались лишить выделенной мне судом после отображения дома жилплощади, состряпали огромное количество клеветнического материала, который распространяется по сей день, исключили из МГУ.

В это же время, за то, что я возглавил борьбу железнодорожников цеха за свои права против злоупотреблений администрации,

меня уволили якобы «за прогул», суд восстановил, но меня вновь уволили, сфабриковали документы для отмены судебного решения. Когда суд меня вновь восстановил на работе, перевели на более низкооплачиваемую работу на 3 месяца, затем исключили из списочного состава завода и перевели за 120 км от Ленинграда.

Поскольку я не уходил с работы, совершили поджог и другие подобные действия, могущие привести к катастрофе на железной дороге. Распространяли, и делают это и по сей день, клеветнические характеристики. Опубликовали клеветнический «фельетон».

1965 - 1968 годы

Сообразуясь с решениями XXIII съезда КПСС, с целью реабилитации ряда выдающихся советских художников, деятелей культуры, а также для предотвращения вывоза советского революционного и

современного искусства за рубеж — организовал первую в СССР картинную галерею на общественных началах, с целью создать в ней экспозицию, отображающую историю советского изобразительного искусства от 1917 года до наших дней.

Деятельность галереи была признана неправильно направленной, обллит запретил издание каталогов, афиш и других материалов галереи; КГБ организовал в провокационных целях хищение 2-х произведений Франсиско Гойи, мне вынесли выговор за опоздание на работу, которого не происходило, было запущено колесо клеветы и слухов, порочащих меня как человека. Затем деятельность галереи была запрещена, как и ее подразделений, меня арестовали и шантажировали созданием уголовного дела, уволили с работы, отобрали квартиру и выселили из Новосибирского научного центра. По сей день распространяют клеветнические характеристики, добиваясь моего увольнения и иных преследований. Моего помощника по делам картинной галереи выселили из Ленинграда и лишили жилплощади, и также постоянно угрожали заведением уголовного дела. Подвергли принудительному психиатрическому освидетельствованию.

1968 - 1969 годы

За то, что галерея была, за то, что пытался организовать поездку художника Шагала в СССР,

была организована интрига, результатом которой с первой же работы я был уволен через неделю, со второй работы — Зооинститута — уволен якобы за «прогул», через месяц восстановлен и снова уволен 2 месяца спустя с совершением надругательства в трудовой книжке, и как венец всему, — лишен родительских прав.

К этому следует добавить десятки отбитых попыток возбудить уголовное дело на самые разные темы.

183 повестки, полученные от различных соворга-

нов в короткий период с 1963 по 1964 год (а это только те, что я догадался коллекционировать), несколько обысков и несовершившихся выселений, 26 гражданских процессов в различных судебных инстанциях с 1963 по 1965 год, и 3 из них — в Верховном суде РСФСР.

Браво, юстиция! Браво, милиция! И, да здравствует наша политическая полиция!

Сегодня я вместе с Маяковским могу в тысячу горл воскликнуть:

«Смотрите, завидуйте, я — гражданин
Советского Союза!»

Итак, социалистическое государство совершило надо мной и над моими детьми почти все мыслимые насилия и вероломства, не лишая нас только самой жизни.

Из картинной галереи — детища моей инициативы и фанатизма, для бесперебойного существования которой я вложил на алтарь своих лирических интересов на 34 тысячи рублей чистоганом только картин из моей коллекции — государство 3 года извлекало, ничего не отдавая.

А теперь оно осудило меня к 8 годам, а Славу Родионова — к 3 годам строгого режима с конфискацией всего имущества и пожизненной контрибуцией в 25 тысяч рублей за несовершенные нами уголовные деяния. Так оно отблагодарило нас в лучшем стиле нашей нынешней демократии.

И тем не менее, только факты, нанизанные на нить времени, и сумма преодоленных препятствий служат истинно правильным мерилom и деяний, и людей, их совершивших.

Эта неумолимая цепь фактов позволяет и мне самому увидеть все в непрерывной последовательности и еще раз убедиться в том, как прекрасно все сделанное нами, как мелки и изменны наши преследователи.

О том, как мелки и низменны они, я напишу во второй части своего повествования. Она будет посвящена только личному составу Комитета Госбезопасности, некоторым задачам, перед ним стоящим, методам и приемам, с помощью которых он их осуществляет, а также судопроизводству по политическим делам.

Перескакивая через эти 18 месяцев концентрационного беззакония, отметим еще одно недавнее событие, без которого повествование было бы неполным.

13 октября 1970 года администрация Лефортовского застенка Комитета Госбезопасности при СМ СССР скрыла от меня орган ЦК КПСС — газету «Правда». Догадаться было нетрудно, что клевета и недержание злобы обрели свои новые, всесоюзные измерения. Поэтому, не боясь попасть впросак, я в этот же день послал краткий ответ провокаторам, в котором привел четверостишие малоизвестного русского поэта-демократа, которым я хочу закончить и этот отчет о моей жизни.

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за Отчизну?

Меня часто навещают мои дети, которые почти еженедельно совершают для этого путь в полторы тысячи километров из Ленинграда до Лефортовского центра и обратно.

Я же построил себе столь прекрасные воздушные замки, что вполне могу жить на их развалинах.

М. Макаренко

15 декабря 1970 года

ИНДЕКС ИМЕН

- Аистова 46
 Айвазовский 92
 Алмаков 92
 Альтман Натан 84
- Барклай-де-Толли см.
 Гриневич
 Барсукова Е. С. 114
 Бернал 27
 Бороздин 85
 Брежнев Л. 38
 Буторин 20
 Буянов 52
 Быховский 107 - 110
- Валюс 85
 Врага Е. С. 24, 25, 28
 Васильев О. Ф. 97, 98
 Вейсберг 85
 Вейсман Малка 3
 Владимирцев 12
 Вознесенский Андрей 91
 Воронов 81
- Гейдрих 70
 Гельфер 106
 Герасимова 54, 56
 Гершкович М. Я. см.
 Макаренко М. Я.
 Гершкович Янку 3
 Гойя Франсиско 90, 105,
 120
 Голигорский см. Мака-
 ренко М. Я.
 Гончарова 85
- Горячев 93, 95, 96
 Грабарь 85
 Гранин Даниил 84
 Григорьев Б. 85
 Гриневич Димитрий (Бар-
 клай-де-Толли) 85, 86, 112
 Грицюк 85, 105
- Дарде Поль 105, 112
 Дворников 92
 Дега 71
 Де Голль 105
 Демидов 53, 57
- Егорова 113
 Елисеев 39, 48, 49, 52, 55,
 56, 58, 67
 Енареев 48, 50
- Жигалко 80, 91
 Житомирская 49
- Зыков 53
- Иванов кап. милиции 33,
 56
 Иванов мастер 106
 Иванов парторг 55, 56, 59
 Игнатьев Н. И. 113
- Каверин Вениамин 84
 Кандинский Вас. 85
 Кастро Фидель 38
 Кетлинская В. 84
 Колоколова 58

- Комиссаров 48, 59
 Коржев 85
 Корин Павел 84
 Куликова 92
 Куусинен О. В. 27
 Кюгельген 84

 Лаврентьев 98, 104, 106
 Лавров 95
 Ларионов 85
 Лебедев В. 85
 Лебедева 65
 Ленин (Ульянов) В. 30, 112
 Леонова Л. М. 114
 Лисицкий Эль 85, 88, 112
 Лихачев акад. 84
 Лужный 16
 Лысевский 84

 Макаренко Елизавета М. 22, 48, 58, 81, 82
 Макаренко Л. С. 21, 22
 Макаренко М. Я. (Гершкович М. Я., Голигорский М. И., Рудаков Андрей, Хершкович М. Я.) 3 - 122
 Макаренко Ольга М. 21, 48, 53
 Макаренко Сергей 21
 Малевич 85
 Мане 71
 Матвеева 53, 54
 Маяковский В. 121
 Микельанджело 84
 Молодцов 40
 Моне 71
 Моткова 92

 Неизвестный 84
 Неймировский 79

 Никаноров 44, 48, 53, 55, 56, 58, 59
 Никифоров 43, 55
 Новиков В. И. 113

 Овсянников 41, 42
 Осинняя Л. Г. 113

 Павлов 98
 Паустовский 84
 Перельгина 51
 Пестриков Ф. .П. 114
 Петровский акад. 42
 Пикассо П. 71
 Попов А. Д. 113
 Поспелов 93

 Рембрандт 84
 Ренуар 71
 Родионов Вячеслав 79 - 81, 88, 89, 92, 95, 99 - 102, 105, 112, 121
 Рудаков Андрей см. Макаренко М. Я.
 Рудаков С. 112
 Русов 39

 Салов С. Ф. 114
 Свиридова 92
 Серов 92
 Симоненко 16
 Сислей 71
 Слепухин А. А. 36, 52, 53
 Сокол Игорь 85
 Соловьев 53
 Суворов майор 16
 Суслов М. А. 28
 Сухарев 58

 Тербуш 84

- Титов 50, 53
Тишбейн 84
Толстой Л. Н. 31
Тулоукодиз 18
Тышлер 84
- Фальк 85, 86, 105
Филин 43, 54 - 56
Филонов Павел 85, 88,
92, 105, 112
Фролова 55 - 57, 59
Фурцева Е. 97, 98
- Харченко 47
Хотевский 107, 108, 110
Хрущев Н. 17, 27, 38
- Цельядит М. 112
- Чемоданов 98, 99
Чулаки 49
Чусовитин И. Г. 79, 97 - 99
- Шагал Марк 84, 86, 88,
96 - 99, 106 - 108, 120
Шакшуев 41, 42, 53
Шарова 106 - 108, 110, 113
Шауро 99
Шемякин 85, 86, 92
Ширшанович 56
Шишкин 92
Шмелев 18, 34
- Эренбург И. Г. 24, 26, 84

ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ САМИЗДАТА

до начала выпуска «Документальной серии» печатались в Специальных выпусках «Посева». В девяти номерах были опубликованы следующие документы:

Первый специальный выпуск (Только в комплектах)

Хроника текущих событий. Выпуски 1 - 6.

Второй специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 7 - 9.

Третий специальный выпуск (Только в комплектах)

Хроника текущих событий. Выпуски 10 и 11. — Дело Ю. В. Мальцева (6 документов об отказе от советского гражданства и желании выехать из СССР).

Четвертый спец. выпуск (Только в комплектах)

Хроника текущих событий. Выпуски 12 и 13. — Сокращенная запись судебного процесса Ильи Бурмистровича. — Письмо жены И. Бурмистровича Ольги Кислиной прокурору г. Москвы.

Пятый специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуск 14. — О процессе Л. Квачевского. — Институт имени Сербского используется для политических репрессий (3 документа). — Дело Г. О. Алтуняна (2 документа). — О некоторых выступлениях бывшего полковника КГБ Льва Василевского. Автор Л. Анти-Тарасов. — Юридическая памятка. А. Есенин-Вольпин.

Шестой специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 15 и 16. — Добавление к «Хронике». — Документы о преступлении против человечности (6 писем-обращений к Комитету защиты прав человека ООН от крымских татар). — Преступление и наказание. Выпуск 2. (О нравах палачей-чекистов). — Пакт о гражданских и политических правах и советское законодательство. Автор А. С. Вольпин.

Седьмой специальный выпуск

Исход. Выпуски 1 и 2. — Групповые обращения (4 документа). — Ленинградский процесс (4 документа). — Еврейский вопрос в СССР. Тезисы.

Восьмой специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 17 и 18. — Приложение к «Хронике» № 17. — Bravo, товарищ Толстиков! Автор Евг. Смирнов. — Обращение рабочих г. Выжгорода в ЦК КПСС.

Девятый специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 19 и 20. — Репорт осужденных в 1960-х годах. — Критика Л. Богораз советских законов (2 письма депутатам Верховного совета). — Попытки продолжаются. Обращение И. А. Кандыбы в Комиссию прав человека ООН.

Цена оставшихся отдельных экземпляров Специальных выпусков «Посева» — 6 н. м. плюс пересылка. Цена комплекта — 150 н. м. Заказы принимает издательство «Посев».

